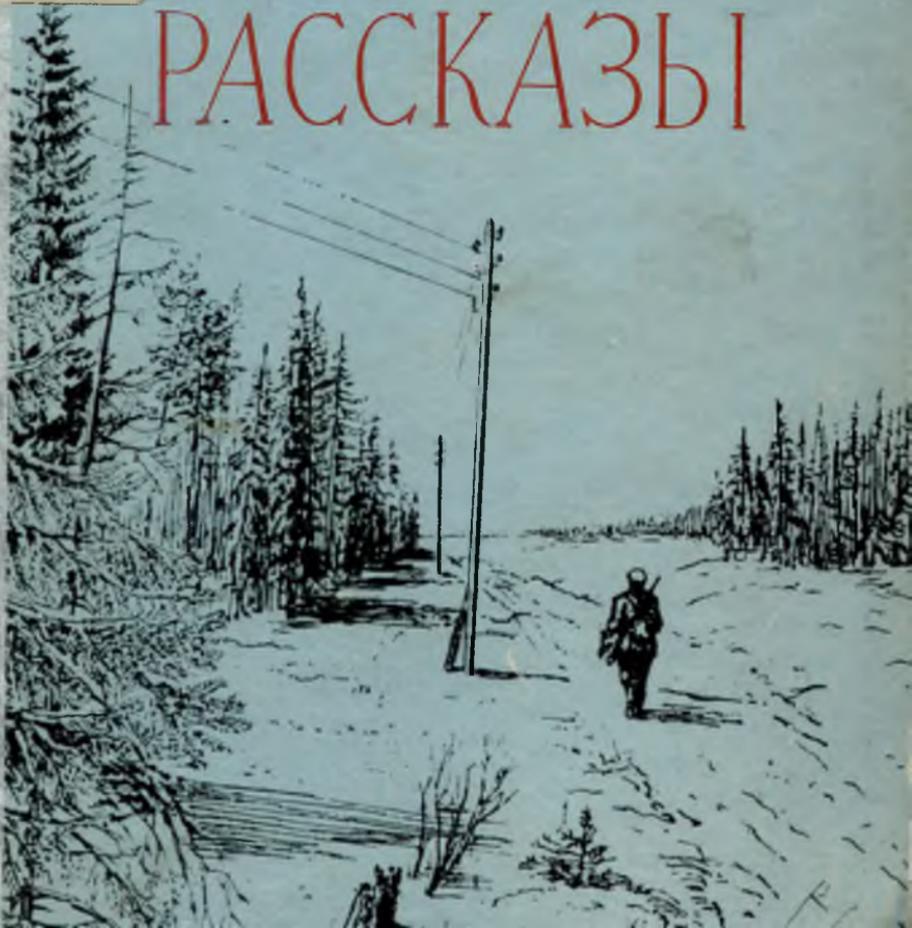

02

И. Гарновский

Т
027640

ЛЕСНЫЕ РАССКАЗЫ

В. ГАРНОВСКИЙ

ЛЕСНЫЕ РАССКАЗЫ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство

1952

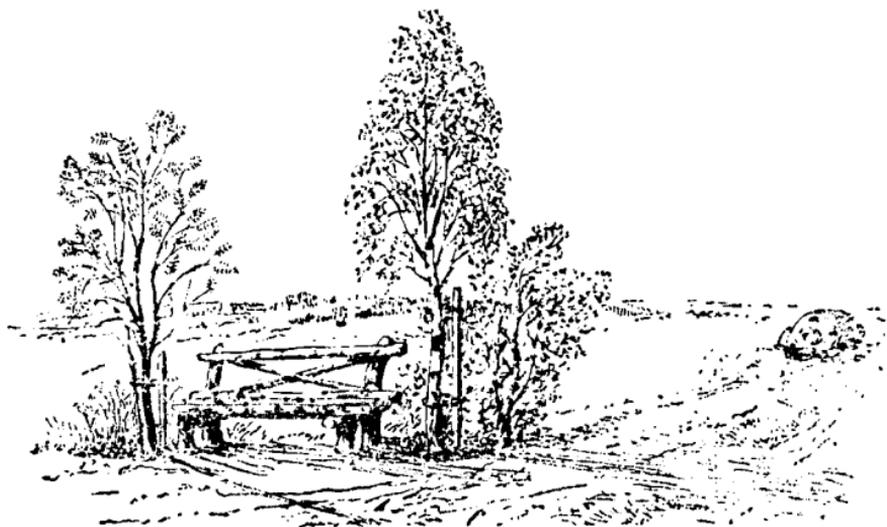
0397002

*Редактор М. М. Смирнов.
Художник В. И. Курдов.
Технический редактор Н. И. Рошченко.
Корректор Р. Ю. Хесина.*

•

Подписано к печ. 12/VI 1952 г. М-36101.
Формат бум. $70 \times 103\frac{1}{32} = 1,75$ бум. л. = 4,78 печ. л.
Тираж 15.000 экз. Изд. № ХС — 2 353. Заказ № 525.
Цена 2 р. 50 коп. по прейскуранту 1952 г.

Типография им. Володарского.
Ленинград, Фонтанка, 57.

РАССТАННАЯ БЕРЕЗА

Таким или не таким представлял себе возвращение на родину Григорий Иванович, но сегодня он был твердо уверен, что именно так и должно было быть — тихий золотой вечер ранней осени, перекличка журавлей на сжатых полосах, дальний рокот трактора, постукивание телеги по неровному булыжнику шоссе. И рядом — бесконечно дорогие лица жены и сына. Как знаком этот вечер, как знакома эта дорога! Скоро она выбежит из бора, и перед путником широко раскинутся заливные

приречные луга в серебряных пятнах мелких озер, плавный изгиб реки и за ней — родная деревня.

Сколько раз вспоминалось всё это в краткие перемены между боями, у солдатского костерка, где-нибудь в лесах Белоруссии или украинских степях. Но с особенной яркостью вставала перед солдатом родина, свой любимый край, в дни, когда Советская Армия неудержимым потоком приближалась к звериному логову захватчиков и готовилась нанести последний, смертельный удар фашизму.

На луга выехали в тот момент, когда солнце коснулось земли.

— Дома! — сказал Григорий Иванович, снимая пилотку, словно здороваясь с родным краем.

Он осмотрелся вокруг и вдруг спросил жену:

-- А березка-то где?

— Какая березка! — не поняла та сначала.

— Расстанная.

— Свалило ее ветром года два тому назад. Старая она была, с дуплом, — ответила жена Григория Ивановича.

— Жаль! Заветная березка была. Особенная. Не раз я ее вспоминал. Хотелось ей поклониться при встрече, — задумчиво сказал Григорий Иванович...

Как и большинство демобилизованных, Григорий Иванович не отдыхал положенного ему месяца. Недели не прошло, и вот он, сменив шинель и гимнастерку на сатиновую рубаху и рабочий пиджак, опять втянулся

в колхозную работу, словно и не было позади долгих лет войны. Но в первое же воскресенье он отпросился с работы.

— Отдохни, отдохни — твое право, — сказал бригадир. — Наверно, на охоту собираешься? Соскучилось ружье без хозяина?

— Вроде того, — уклончиво ответил Григорий Иванович. — С Макаровым за реку сходить надо.

— Сходите. Постреляйте. За Каменным бугром тетеревиные выводки есть. Туда и советую.

Григорий Иванович и Макаров, тоже только неделю назад вернувшийся из армии, вышли еще до восхода солнца. С гумна доносился ровный гул молотилки, облако золотистой пыли висело над длинными ометами соломы.

Вместо ружей они несли по топору и по заступу.

Григорий Иванович с любопытством наблюдал за Макаровым. Вместе в одной деревне выросли, знали друг друга, а раскидала война их в разные стороны — и Макаров стал не таким, каким был до сорок первого. Он попрежнему широкоплеч и смугл до черноты, но теперь в нем собранность, суровая серьезность. Исчезла развлекательная походка, руки не болтались, как подвешенные.

На перевозе Макаров осмотрел паром, пошатал на нем перила — крепко ли стоят, пощупал пеньковый канат — не износился ли.

— Не на мою ли должность метишь? — усмехаясь спросил Макарова паромщик дед Ларион. — Уступлю по старости служивому.

— Мне должностей и без парома найдется, — ответил Макаров и так налег на канат, что под носом парома зажурчала, забулькала вода. — А вот о том надо подумать, чтобы вместо парома мост построить. Неужель такого пустяка не осилим колхозом?

— Сразу видно сапера. Привык мосты наводить да строить, — улыбнулся Григорий Иванович.

— Да, поработано-таки, — согласился Макаров.

Паром ткнулся в берег. Макаров первым соскочил на песок, за ним и Григорий Иванович. А дед Ларион, удивленный словами Макарова, даже забыл расспросить, куда это они пошли.

На косогоре, где когда-то шумела зеленой листвой Расстанная береза, приятели присели, покурили. Потом они взялись за дело — долго выкорчевывали березовый пень, цепко державшийся за землю буйным сцеплением корней.

— Упорен был старик! — сказал Григорий Иванович, утирая потный лоб, когда пень был оттащен в сторону, а на его месте зазяла глубокая яма.

Затем они отправились в лесок и отыскиали там хорошую березу, с ровным стволом и развесистой кроной, уже теряющей золотые листья. Они выкопали эту березку с большим комом земли, стараясь не повредить корни.

Когда на месте Расстанной березки была посажена новая, Григорий Иванович и Макаров присели отдохнуть.

— Место кругом еще есть, — сказал Макаров. — И время у нас есть. А что если тут черемушек несколько

посадить, калины куст, другой? Все милые деревья, наши, русские.

— Дело говоришь, — поддержал его Григорий Иванович. — Давай распланируем, что и куда...

— И скамеечку соорудим. Кому отдохнуть, покурить, чтобы не на сырую землю садиться.

— Тоже хорошо. Только у нас пилы и гвоздей нет.

— У меня в сумке всё припасено. Ведь я же сапер...

Они уже кончали работу, когда шум автомашины заставил обоих оглянуться. Это проезжал секретарь райкома партии, товарищ Карасев, старый их знакомый. Он тронул шофера за плечо, — и машина остановилась.

— С прибытием вас, товарищи!

Секретарь вышел из машины; по очереди пожал руку Макарову и Григорию Ивановичу.

— Чем вы тут занимаетесь? Скамейку сделали... Значит, для прохожих? Ну, что ж, посидим, побеседуем. А лопаты зачем?

— Длинная история, товарищ Карасев, — ответил Григорий Иванович. — Расстанную березу сажали.

— Не понимаю.

— Видите ли, обычай у нас такой в деревне был, со стародавних времен. Вот на этом косогоре береза росла, старая, развесистая. И так повелось — если кто из деревни в дальние края уходил, в солдаты, например, или учиться, — это уж при советской власти, учиться-то, — родные его обязательно до этого места, до березки, провожали. Заветное место. Так и говорили: «Проводили до Расстанной березы». Ну и когда домой

возвращаешься, знаешь — первый поклон, первое «здравствуйте» этой березке говоришь. Она словно наша деревенская землячка. А вернулись мы с фронта, видим — нет березки. Старая была, ее и сломало. Посмотришь на косогор — нехватает чего-то. Вот я да Макаров и решили новую березку посадить. А посадили — во вкус вошли. И черемухи посадили, и калины. А теперь вот скамеечку Макаров заканчивает.

Григорию Ивановичу много и хорошо хотелось сказать о мечтах, связанных с домом, а выходило не то. Ну как передашь словами хотя бы сотую часть своих дум о родной земле? Ведь это не просто березка — мало ли их есть, а своя, русская, особенная. Без этой березки трудно представить себе родную деревню...

Но Карасев понял его:

— Обычай не плохой. Хорошо, что березку посадили. У всех у нас одно желание — сделать Родину еще краше, еще лучше, чем была она до войны. Это в наших руках, в наших силах!

— А работать — вот как хочется... — сказал Макаров.

— Разговор кстати, — улыбнулся секретарь. — Я к вам в колхоз для того и еду, чтоб поговорить, как дальше жить, как вперед идти.

— Стройки новой много заводить надо, — сказал Макаров.

— Обо всем потолкуем и всё решим. — Карасев помолчал немного, лукаво прищурился и неожиданно спросил:

— А если найдутся такие вояки, что нашей работе помешать захотят?

Григорий Иванович бросил на землю недокуренную папиросу, растер ее сапогом и твердо сказал:

— Пусть попробуют. Мы люди мирные, мирный труд нам дороже всего. Но ведь воевать-то мы научились, постоять за свой мирный труд сумеем.

— Правильно, — сказал секретарь. — Семеныч! — крикнул он шоферу. — Давай-ко и мы с тобой по деревцу здесь посадим, на общую пользу... Потом в колхоз вместе поедем.

Солнце поднялось выше, осушило росу. Медленно оседал на дорогу клуб пыли, поднятый убежавшей машиной. Из зарослей ольхи вылетела какая-то пичужка, чуть слышно пискнула, села на ветку только что посаженной березки. Потом пискнула еще тоньше и звончее и перепорхнула на калиновый куст, с которого еще не облетели лапчатые золотые листья.

МАРЕМЬЯНА-ПОЛЕСНИЦА

Африкан, Кирша и я живем в разных деревнях, но весной, на охоте за глухарями, частенько сходимся в лесу. Так и называются у нас места этих печальных, но приятных встреч: «Первый ночлег», «Второй ночлег», «Третий ночлег». Хорошие, удобные эти ночлеги: и от глухариных токов недалеко, и сушняку для костров сколько угодно, и вода в ручьях светлая — не болотный «кофей» с лягушачьей икрой на заправку.

На «Третий ночлег» я пришел после заката солнца. Кирша был уже у костра, варил картошку. А перед са-

мой полночью пошел по лесу шум и треск. Видимо, брел какой-то молодой охотник, еще не привыкший в темноте ходить по лесным тропам тихонько да осторожно.

— Какого еще чërта неумного несет? — заворчал Кирша.

К нашему великому удивлению, это был Африкан Ильич. Но стоило только взглянуть на его взлохмаченную сивую бороду, на покрасневшие, умильно улыбающиеся маленькие глазки, — и всё становилось понятным: изволил Африкан Ильич перед выходом в лес не малый стаканчик выкушать... Это окончательно обозлило трезвенника и молчуна Киршу:

— Старый ты леший! Выпил бы после охоты, а то, вишь, тебя и ноги по лесу не несут, и глаза ничего не видят! Какой ты теперь охотник? Только лес поганишь!

Африкан, не торопясь, повесил на сучок свое ружье и котомку, уселся поближе к огню и залился радостным смехом:

— Братцы! Да ведь с радости выпил! Племянник из армии вернулся, Иван Павлыч! Орденов на нем, медалей!..

— Иван Павлыч? — обрадовался Кирша. — Это хорошо! Значит, из самого Берлина. Ну, теперь нашей компании прибавка.

— И я то же говорю. А хмель у меня через час выдует. Не в первый раз!

Африкан снова залился смехом.

— Чего это тебя разбирает? — вновь нахмурился Кирша.

— Мосенич! Золотой мой! Да ведь и Тимофей Семеныч вернулся. И у него я стаканчик на встрече выкушал.

— Это тоже хорошо! Значит, и второй охотник дома. Держись теперь зверь и птица!

— Ой, ребятушки, не знаете вы, почему меня смех долит? Тимошке горе, а я помереть мог от смеха. Является он в деревню, ну, конечно, мамаша его — в слезы да причёты, Татьянаушка от радости сама не своя ходит, ребятишки визжат, младший батьку не признает — ведь четыре года его не видел. Сейчас на стол и вино, и закуску, курицу казнили, соседушки собрались... Да! Вот выпили, беседу начали: о войне, о победе нашей, о деревенской жизни. Тут Тимофей и спрашивает Татьяну:

— Покажи-ка, Татьяна, мое ружье, соскучился я по верному другу.

Сейчас Татьяна в чулан и волокёт ружье, осторожно этак, словно оно из раскаленного железа сделано. Глянули мы на ружье и ахнули — оборжавело, что навозные вилы. Тимофей побился, побился, у ружья стволы едва откинул, заглянул в них — и с лица сменился:

— Татьяна, да что такое с ружьем?

— А я, Тимошенька, как ты в армию ушел, думаю, как бы ружье само не выпалило. Взяла да и налила в каждый ствол по кружке воды, порох-то воды боится...

— Ну? — спросил, улыбнувшись, Кирша.

— Что ну? Тимофей шум не устроил, не такой момент, а тяпнул с горя стопку вина и нас к тому пригласил. А ружье в окно выкинул...

— Да, жаль Тимоху, — задумчиво сказал Кирша. — Славное у него было ружье...

— Ружье — пустяки, — серьезно сказал Африкан. — То приятно, что много у нас хороших людей, вот что ладно. Поэтому я лишний стаканчик сегодня опрокинул, да Григорьевой Маремьяне поклонился...

— А она при чем?

— Ах, Кирша, Кирша! Ты ведь знаешь, как она себя за войну показала? Помнишь, в сорок втором году выюга на неделю закурила? Вот как раз тогда и забежали в нашу деревню четыре автомашины с ранеными. Забежали да и застряли. Деревню до крыш снегом занесло. Пути нет. Доктор при них есть и сестры, а провианту не густо. А велика ли наша деревня — полтора десятка домов. И подкормить ребяток хочется, да средств мало. Ну, молока, картошки нашлось прилично; рыбки малость старики с озера приволокли, а доктор об одном мечтает:

— Мясного супцу раненым надо.

— Сами знаем — надо. Собрались мы колхозом, решили коровушку одну прирезать. Военное время, известно. Вот тут Маремьяна и говорит:

— Колхознички, обождите один денек резать корову. Схожу-ка я в лес, споровю какой ни на есть дичины. И корова цела будет, а главное, будет раненым питанье.

Мы сначала усомнились, а потом, что же, знаем, что Маремьяна к ружью привычна, не раз со своим Григорьем полесовничала. Конечно, надо бы мне — коренному охотнику — об этом деле догадаться, да я пластом лежал тогда, ноги свело...

Ладно! Берет Маремьяна покойного Григория — Григорий-то у нее в начале войны на фронте погиб — ружье, сухариков — и в лес. На другой день возвращается:

— Бабы, кои на лыжах ходить могут, ребятишки, старики, пойдемте-ка за мной на Горелый остров. Там у меня матерущий лось убит, пудов на двадцать с лишним. Шкуру я с него сняла, мясо разделала. Надо его вынести теперь.

Славно подкормили мы раненых, а тут и выюга унялась. Из штаба гонца прислали, из других деревень народ набежал, дорогу в снегу пробили, — и машины ушли. Доктор Маремьяне часы дарил свои ручные — не взяла.

— Если есть, — говорит, — у вас компас хороший, то возьму. Я ведь не из-за корысти в лес пошла. А компас мне в лесу нужен. Есть у меня, да больно старенький, дедовский еще.

Ну, компас мигом нашелся, хороший компас, стрелка ночью светится. Поднес его доктор Маремьяне, расцеловался с ней и уехал.

— Это я всё знаю, — сказал Кирша, начиная обустраиваться и поглядывая на начинающее светлеть небо. — Это мы всё знаем, — повторил он. — А почему ты за нее, за Маремьяну, пил сегодня?

— Потому, брат, что у нас на деревне сегодня три праздника. Два солдата с победой вернулись, а третий праздник — приехали из района товарищи, привезли эти товарищи Маремьяне Игнатьевне в подарок х-о-о-рошее

бескурковое ружье, шестнадцатого калибра, и пороху, и дробу, и пулю, и патронов.

Приняла Маремьяна подарок, еще пуще разругнулась, ну прямо солнышко, и говорит:

— Ой, спасибо советской власти и товарищу Сталину. Мое-то малое в большое возвели...

Еще подумала и говорит:

— Вернулся у нас с войны Тимофей Семенович, охотничек, моего-то Григория Николаевича дружок и ровесник. Да лишился Тимофей своего ружья. Татьяна-то у него в полесном деле не разбирается, простая душа. А у меня теперь два ружья. Так пусть он себе Гришино на память возьмет, не расстраивается...

— Вот тут-то тебе, наверно, еще стаканчик достался? — спросил Кирша.

— Правильно. Выпил я тут стаканчик за нашу полесницу, за ее доброе сердце, за всех наших женщин советских порадовался, — подтвердил Африкан, вставая. — А ведь пора, братчики, и на ток. Пора! Зорька занимается!

КИСЕЛЬНЫЙ БЕРЕГ

Как рассказывается в сказках, в Счастливой стране молочные реки текут среди кисельных берегов. Для ребят это хорошо — бери ложку и черпай сладкий клюквенный или малиновый кисель в любом месте, а захотел молочка — вот оно, рядом, стóбит только руку подальше протянуть.

Но когда вдумаясь — грош-цена такому месту. По кисельному берегу не пройдешь, — завязнешь и не выберешься, — а в молочной реке никакой рыбе житья не будет. И наверно, в жаркую погоду молочная река превращается в простоквашную...

Об этом думал я не раз, когда в молодости мне при-

207640

ходило́сь охотиться на уток на речке Чигме, что вытекает из Малоозера. Берега этой речки не зря были прозваны кисельными. Только молодые охотники, вроде меня, рисковали пробираться на реку по черным топям, по моховым зыбунам. Не один раз провалишься по пояс в черную липкую грязь, не один раз, сорвавшись с кочки, завянешь в бурой жиже.

Зато птице тут было раздолье. До вечера весь патронташ расстреляешь и по крикухам, и по шилохвосткам, и по чиркам. Правда, не всякую подбитую дичину удавалось достать. Своя жизнь дороже...

И тут я вспоминал дядю Сашку.

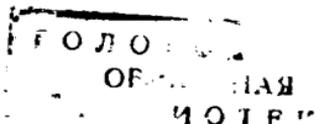
Пошел дядя Сашка, как-то в начале лета, лыки драть к Сивяковой мельнице. Пошел, да и не вернулся вечером, не вернулся и поутру. Где его искать? Впрочем, об этом никто и не беспокоился — был у дяди Сашки обычай уйти из дома на сутки, а вернуться через трое. К тому же у Сивякова, на мельнице, всегда народу полно и все помольцы охотника Сашку знали; любили они его за простоту и веселые рассказы.

Я на другой день поутру Кисельным берегом шел, продирался через ивовые заросли. И вдруг слышу дядин голос, совсем рядом с собой. Слабый такой голос, дядя словно спросонья говорит:

— Племяш, подойди сюда!

Оглядываюсь — не видно дяди Сашки. Ну, думаю, это просто так, послышалось мне. А дядин голос повторяет:

— Не гляди поверху, гляди понизу. Моя голова

между кочек торчит. Увяз я в окне болотном. Подойди ко мне.

И верно — торчит дядина голова из болотной травы. В лице ни кровинки — едва жив человек.

Не смог я один дядю Сашку из окна вытащить, пришлось в деревню за помощью бежать. Выволокли всем миром охотника из липучей грязи. Отдышался дядя Сашка, рассказал:

— Лыки меня спасли. Две мотушки у меня было надрано — одна за спиной висела, другая на грудь перекинута была. Иду Кисельным берегом, прыгаю с кочки на кочку и... раз! — сорвался я с кочки в окно. Вытягивал, вытягивал ноги — куда там! Всё ниже и ниже опускаюсь. Положил я лыковые мотушки перед собой, лег на них грудью. И мотушки в грязь ушли, да остановились. На них я ночь и пролежал. А грязь словно ледяная, думал, что застышу...

— Ты бы кричал!

— Кричал я, да кто меня в эту пору услышит? Кабы сенокос был, или охотники по берегу шатались, а то ведь никого. Ладно племяш с удочками на Березкин омут шел. Так я племяша вижу, а голосу-то уж и нет...

А сколько на Кисельном берегу коров и лошадей вязло!

Но охота на Кисельном берегу была такая, что если раз побывал, то обязательно это место снится будет...

Много лет прошло с той поры, когда я дядю Сашку между кочек отыскал. И вот удалось мне снова на родине побывать, в своей деревне.

Мало осталось тех, кто когда-то со мной вместе оу-ней на Чигме удил. Мало кто и узнавал меня:

— Да ты ли это?

— Я самый!

— И постарел же ты, брат!

— Ну и ты не молодеешь!

Обменяешься такими «любезностями», а потом о деле заговоришь. Тогда забываешь и о близкой старости — не стареет тот, кто свой край любит, свою природу. Не берет старость того, у кого хорошие дети растут, а работа сама в руках кипит...

Дядя Сашка мало постарел — на голове шапка сивых волос — и только. А попробуй молодой за ним в лесу угнаться — куда там!

— Спина к погоде, верно, трещит, — говорит мне дядя Сашка. — Да ведь ее дело глупое. С другой стороны, и это неплохо: барометра не надо — знаю, стóит ли на охоту идти, или непогода будет.

И ружье у дяди Сашки то же самое, с каким он тридцать лет назад на охоту ходил.

— Так что же, дядя, пойдем завтра с тобой на Кисельный берег уток бить?

— На Кисельный берег? Хватился! Нет теперь Кисельного берега!

— Куда же он делся? Не съели же его ребяташки!

— Новое дело! Просто нет Кисельного берега. То есть берег-то есть, да он теперь не кисельный, твердый стал, хоть пушки вези.

— Отчего же это случилось?

— Отчего, отчего! Да ведь мы в колхозе живем.

— Ну, и что же?

— Вот непонятливый! Осушили мы береговую болотину. Канав нарыли. Одна, самая большая, ее магистральной называют. Не одно лето старались. У нашей МТС теперь такие машины, такие машины! Кочкорезы, канавокопатели и другие разные. Конечно, и мы с лопатами и топорами зря не сидели, да только за машиной не угонишься. Помнишь ту ямку, где я чуть не погиб?

— Помню.

— Теперь там сеновал стоит. Завтра сам посмотришь.

— Дядя, так где же мы охотиться будем, раз Кисельного берега не стало?

— Ну, и что ж из того, что не стало? Уток у нас теперь втрое больше.

— Не пойму я тебя. Ведь утке вода, болото нужны...

— Тьфу! Я и забыл, что ты у нас сто лет с годом не был. Пойдем на Новое озеро. Там птицы этой — только патроны почаще закладывай, да мимо не пали.

— Не знаю я такого Нового озера.

— С тобой, что с маленьким говорить. Да ведь колхоз на Чигме электростанцию поставил. Вот повыше плотины и затопило местность, озеро стало, мы его Новым называем. И уток там!..

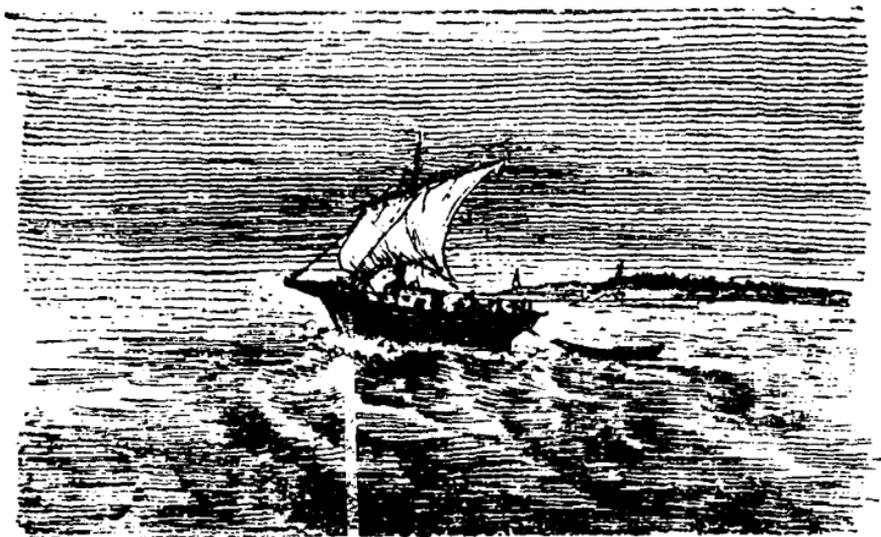
— Понятно. Одного не понимаю, почему уток больше стало.

— А это, племяш, от нас зависит. Помнишь, как раньше было? Охотнички без ружей, с собачонками, да с палками еще пелёнишных утят, пуховых, всех переда-

вят. Теперь — шалишь! Сами законы соблюдаем! До срока ни один охотник на озере не показывайся, не тронь утят, пусть подрастут, силы накопят. У нас на этот счет нынче строго. Вот теперь срок настал — иди, стреляй...

Когда мы пошли на охоту, дядя Сашка надел фуражку со значком лесника:

— Видал? И я в лесной охране состою. У меня, старика, в лесу и на озере порядок. И что ты скажешь — охотимся в полную меру, а дичи не убывает. Ну, пойдем, племяш, на Кисельные берега, на Новое озеро, посмотрю — не разучился ли ты палить.

РЫБАКИ

Тяжелая осенняя волна лениво покачивала наш бот. Мы запустили озерный трал, подтянули паруса и заторпились в каютку. Там было жарко — в чугунной печке гудело веселое пламя, крепко пахло рыбой, смолой, сырой клеенкой дождевиков. Фонарь тускло освещал стол с закопченным медным чайником на нем, стопу газет на полочке. Покачивалась каютка, покачивался фонарь, всё было в движении, — даже доски переборки поскрипывали. Здесь, в тепле, нам и не верилось, что за дверью

каютки глухая осенняя ночь, без огонька вдали, без звездочки на небе.

Все разом закурили. Стало душно, но мы всё еще не могли согреться после тяжелой работы с мокрыми снастями, на резком ветру, от которого руки становятся как деревянные.

— Если рыба и дальше так попадаться будет, как сегодня, то дня через три можно и к рыбзаводу выбегать, улов сдавать, — сказал Виктор. Он грел руки, прикладывая красные ладони к горячей печке и сразу же отдергивая их.

— Всяко может быть, — осторожно заметил Никита Иваныч. — Рыбацкое счастье изменчиво. Всё дело в ветре. Постоит такой же ровный, как в эти дни, тогда, пожалуй, и с рыбой будем.

Он стал наливать себе чай, стараясь приноровиться к качке, но попадая стружкой кипятку то в кружку, то на стол.

— Руки меня не слушаются, — пробормотал он. — Застыли.

— Верно старики говорили: «Рыбак с озера вернется — со стола курицы не сгонит», — заметил Максимов, следя за трудами Никиты Ивановича.

— Да! — вздохнул тот и охватил кружку ладонями, чтобы скорее согреть их. Было такое дело. И вспоминать-то неохота свои молодые годы. С двенадцати лет ребят на лов брали — пешниками: во льду прорубки для снасти пешнями пробивать. От темна до темна пешней орудуешь. Ноги стынут, спина болит, руки не гнутся.

А отдохнуть нельзя — надо от артели не отставать. По неделе с озерного льда домой не возвращались. Там, на озере, и ночевали. Вывезем в начале зимы на место лова, километров за пятнадцать от берега, несколько рядов избяного сруба без крыши, поставим его на лед, сверху на жердях крышу устроим соломенную. Вот и укрытие от непогодушки. А в срубе тоже соломы настелем — спать на ней вечером. Мальчишек в середину укладывают, старшие по краям. Тулупами накроемся, парусами. Подождем маленько — да и уснем...

— А долго ли мы будем под парусами гонять? — неожиданно сказал Виктор. — В других местах моторные боты заведены, да и у нас в некоторых колхозах. А мы всё еще ветру кланяемся, на повитерь¹ надеемся.

— Ишь какой скорый! — усмехнулся Максимов. — Всему свое время. Ты, парень, молод, я постарше тебя, Никита Иваныч и совсем старик. Слышал, что он рассказывал, как в его время ловили рыбу? Мы вот сейчас на крытом боте рыбку тралим. Давно ли так? Только при советской власти эти боты у нас завелись. До этого мы на открытых лодках ловили. Попробуй веслом с утра до ночи помахать, снасти вручную, без ворота поднимать! Темень, волна, а ты гребешь и гребешь, жизни не рад. А если улов плохой? Сейчас ватаман² и губы скривит. Заработок? Какой там заработок! Только бы кое-как прожить. Помню, в девятьсот одиннадцатом — я тогда

¹ Повитерь — попутный ветер.

² Ватаман — старшой артели.

уже самосильным рыбаком был — пришлось в нашей артели по десять рублей в зиму на ловца. По десять рублей! Понятно?

— Ну это давно было, — сказал Виктор. — Что о том вспоминать. А вот почему наш колхоз моторов на боты не поставит?

— Старое иной раз вспомнить полезно, — наливая себе третью кружку чая, сказал Никита Иванович: — для сравнения и чтобы видеть — куда вперед идешь. Вот и ты состаришься, будешь вроде меня молодым рассказывать — плавали, мол, на ботах под парусами, потом под моторами, потом... ну, уж потом я не знаю, какая техника будет. А мотор, что ж, мотор! Колхоз давно о моторах хлопочет, так ведь их сразу на все колхозы не наработаешь. Тысячи моторов государству нужны. Ну, в этом году не получили, так весной обязательно получим.

— Я бы тогда в мотористы пошел, — мечтательно сказал Виктор.

— А в рыбаки кто?

— И рыбаком был бы.

— То-то же! Раз ты из рыбацкой семьи — свой промысел не забывай.

Виктор вдруг засмеялся.

— Ты что? — удивленно спросил его Максимов. — На смешное место сел?

— Я Петрякова Семена Никоновича вспомнил, учителя нашего. Нынче летом сидит он на бережку и окуней удит. Я ему и говорю: «Купили бы лучше хорошую рыбину, судака там или леща, в нашем магазине, или бы

с нами в озеро сплавали — вот и рыба. А то мелочью занимаетесь». А он и говорит: «Хочешь я тебя цифрами сражу?» — Я говорю: «Ну, сразите». — А он: «Предположим, — говорит, — что нас, таких удильщиков, в Советской стране сто тысяч есть. Понятно? И в каждый выходной день мы не только на свежем воздухе отдохнем, но еще и по килограмму окуней наудим. Сколько же мы рыбы добудем? Сто тонн! Вот тебе и крючок с червем!» — Вот чудак-то!

— Нисколько он не чудак, а умный человек. Сто тонн? Немалое число. А мы сетями должны в тысячу раз больше того наловить, чтобы всем рыбки хватило, чтобы нашу рыбку все добрые люди кушали да похваливали. Ты вот ничего не слыхал о Федоре Гвоздеве? Да где тебе — молод! Вот Максимов его знал. Так, Егор Петрович?

— Как же! Помню. Его тоже кой-кто чудачком называл. А не чудак он был, просто человек с мечтой. Вот я товарищу о Гвоздеве расскажу, — повернулся Максимов ко мне. — И ты, Виктор, послушай.

Покачивало всё сильнее. Я уже знал, что бот теперь выбежал из-за мыса на большую волну. Если выйти на палубу и попристальнее взглядеться на запад, то можно увидеть слабое мутнозеленое световое пятно над горизонтом. Там город. Там свет на улицах, шум, движение. А здесь — только ленивые шорохи и всплески озерных волн, посвистывание ветра в снастях... Макаров рассказывал, Никита Иванович, устроившись на корточках у стены каютки, поддакивал ему, напоминал забытое, Виктор сидел у печки и внимательно слушал.

— ...Был этот Федор пребеднейший рыбак в селе. Ни лодки своей, ни снастей. А это значит — век свой под ватаманом работай. Всю зиму Федор на льду проведет, весна пришла — опять беги на лодке в озеро, осенью тоже. Только и было отдыху от сетей, что летом. Да ведь лето по крестьянству страдная пора. И косить, и жать надо. По тем временам Федору только бы о себе заботиться, а он и о людях думал. В воскресенье, коли был свободен, разносил Федор по другим озерам рыбу для развода. Из нашего озера мальков добывал. И бочонок у него такой был приспособлен, с ремнем, чтобы на спине его удобно носить было. Мы дивимся, спрашиваем, зачем он так старается? «А как же, — говорит, — в лесных мелких озерах только и есть рыбы, что плотва-горькушка, мелкий окунь да щука. Вот я хочу, чтобы и там судаки да лещи водились». А то из озера в озеро рыбу переводил. На Шолозере карасей много, так он этих карасей в Сомозере и в Кукозере развел. Крупнущие теперь там караси! И еще думал — как бы на нашем озере другие породы рыб завести. Ну, стерлядей, сигов...

— Так ведь сиги в нашем озере есть, — сказал Виктор.

— Погоди, не перебивай. И смеялись над Федором, и ругали его. А ватаманы даже грозились, зачем, мол, другие озера обрыбливаешь? Им это обидно, вдруг да у них рыбу покупать перестанут, если везде хорошая разведется...

— И разводилась у него рыба? — опять спросил Виктор.

— Не всегда. Плотва везде жить начинала, караси

тоже. А другая не очень. И то взять — у нас в озере вода светлая, дно песчаное, а на лесных озерах берега торфяные и дно черное. Совсем не такая вода, как у нас. Значит, нашей рыбе это не подходило...

— Хороший был рыбак, — вздохнул Никита Иванович. — И погиб по-рыбацки: опрокинуло ветром его лодку в озере, вот в такую же осеннюю ночь.

— Жил бы в наше время такой рыбак, как Федор, ему бы советская власть всякую помощь оказала, — заметил Виктор. — Он на себе в бочонке мальков носил, а теперь их на самолетах развозят. Вот я читал: есть в Черном море хорошая рыба — кефаль, а в Каспийском море этой рыбы не было. Несколько лет тому назад на Каспий самолетами бочки с кефалевой икрой свезли и в воду запустили. А теперь эту кефаль ловить начинают. Прижилась она на новом месте.

— Теперь не те времена, в какие Федор жил, — откликнулся Максимов. — Что мы о рыбе знали? Ничего. Живет в воде — и ладно. Поймал ее — хорошо. Ученых людей у нас не было, сами мы неграмотными были. А ватаманов это не касалось. Им хоть всю рыбу до последнего ерша из озера вычерпай, только бы деньги загрести, а там пускай озеро пустым стоит. Нет, теперь не то. Ты, Никита Иванович, был нынче весной на Водобье?

— Был. Интересовался.

— Для нереста у рыбы эта речка облюбована, у яззей, лещей, окуней. Теперь там запретный участок, дают рыбе икру выметать. Молодь подрастет — в озеро скаты-

вается. Значит, рыбы в озере прибывает. Значит, и мы больше добудем...

— Ну, а еще что о Федоре знаете? — допытывался Виктор.

— О нем пока всё. А вот о сыне его, о Якове, можно сказать. Теперь он большой человек, партийный. Где-то на Дальнем Востоке работает. Лет пятнадцать тому назад приезжал он сюда за матерью. Да не один приезжал, с учеными по рыбьей части. Они сига к нам на озеро доставили, запустили. Вот откуда у нас сиви. Яков Федорович тогда рыбакам сказал: «Это в память моего отца и всех рыбаков. Его мечта былью стала. Всеми народу от такой мечты большая польза!»

В крышу каютки постучали:

— Эй, курильщики! Вылезайте трал поднимать! — крикнули нам.

После света в каютке ночь показалась нам черной, как деготь. Но мы скоро присмотрелись и взялись за мокрые канаты. Когда сеть оторвалась от озерного дна, бот взметнуло волной, и он заплясал на ней, как легкая лодчонка.

— Быстрее, быстрее! — покрикивал звеньевой. — А ну, поживее, рыбачки!

Через полчаса разгруженный от рыбы трал опять лег на дно, и бот снова закачался лениво и спокойно. Макаров открыл крышку грузового трюма. Мы стали ссыпать туда улов. А Никита Иванович, выхватив из трепещущей груды рыбы порядочного сижка, показал его Виктору:

— Видал? Вот она, Федорова мечта. В моих руках.

ГУСЕВОД

В этих местах не бывал я лет десять, однако помнил, что сразу же за мостом через ручей с большой дороги в еловую чащу убегает тропинка на Заячье озеро. До него было с полкилометра. Ничем это озеро не знаменито — обыкновенное, лесное, за час его обойдешь. Удильщики бывали на нем редко — водились в том озере только некрупные окуни. Охотники тоже забредали сюда не часто: не велика корысть от пары утиных выводков.

Спешил я к озеру по другой причине. На берегу его, на сенокосном лугу, стояли сеновалы. К ним-то я и направлялся. Над лесом тяжело вспухала грозовая туча, то и дело вспыхивая молниями, угрюмо и сердито ворча, а пережидать грозу под крышей сеновала куда приятней, чем под елкой...

Вот и ручей, и тропинка. Я удивился: это была уже не тропинка, а довольно хорошая проселочная дорога. На столбике у поворота красовалась деревянная табличка с надписью:

„ОХОТНИКАМ НА ОЗЕРО ВХОД ЗАПРЕЩЕН“.

Меня рассмешило это объявление: добро бы на озеро вела только одна эта тропинка и дверь на ней была навешена, а ведь кругом лес — подходи к озеру с любой стороны. Потом: что такое запретное на этом озере для охотников?

Впрочем, запрет меня не касался, — я был без ружья, а раскаты грома были так угрожающи, что я невольно прибавил шаг.

Вот и озеро, вот и сеновалы. Подгоняемый начавшимся дождем, добрался я до одного из них и, снимая заплечный мешок, сказал:

— Вот и удрал от тебя, дождь! Шуми себе, я под крышей!

Сеновал был еще пуст — сенокос не начинался. Только в углу лежала груда соломы, видимо, приготовленная для починки крыши. Устроившись на этой соломе, я сладко задремал, как дремлет только в лесу, под уютным прикрытием, при шуме дождя.

Спал я долгонько. Когда же дождь утих и небо очистилось от туч, настал уже вечер. Я сел на пороге сеновала, укладывая поудобнее свой груз, — дорога была дальней.

Кто-то зашлепал по лужам, я поднял голову.

К сеновалу подходил немолодой уже человек, в брезентовом плаще, с двустволкой за плечами.

— Ты что же, друг, — шутливо сказал я, — разве не знаешь, что охотникам на озеро ход запрещен?

— Всем, кроме меня, — ответил человек, подходя ближе. — Объявление то я писал.

Голос собеседника показался мне знакомым. Всмотревшись лучше, я узнал этого человека:

— Степан Петрович?

— Он самый. А вы-то как здесь оказались? Ведь я вас тоже признал.

— Ну вот и знакомые.

Я рассказал Степану Петровичу о цели своего похода и о том, как оказался в этом сеновале.

— До Мышкина тебе, брат, еще далеко, — сказал он. — Перелеском километров восемнадцать будет. Только к утру туда добредешь. Ночуй-ка лучше у меня.

— Здесь, на сеновале?

— Зачем здесь? В будке. Тепло, чисто. Я один тут живу...

— Почему так? Кажется, хуторов теперь нет. Или что другое?

— Другое. Вот помоги-ка мне соломы в лодку наносить.

Мы снесли к долбленой лодочке несколько вязанок соломы, и Степан Петрович взялся за весло. Тут я заметил, что у него на левой руке только два пальца.

— На войне инвалидность получил? — спросил я.

— На войне. Под Курском. Возьми второе весло, подмоги.

Мы скользили вдоль берега, густо заросшего двухметровым тростником. А когда наша лодочка вбежала в узкий и длинный заливчик, я ахнул от удивления: из тростников выплывали гуси — молодые, еще с желтизной в пере, и старые — важные, величавые птицы. Шипя, погогатывая, они бросились вслед за нами.

— Домой, домой! — махнул на них веслом Степан Петрович. — Домой, лодыри, кормлены сегодня, хватит!

— Не твое ли хозяйство, Степан Петрович?

— Вроде того, — улыбнулся он. — Ну вот, пока и приехали.

У берега, в тростнике, измятом бесчисленными птичьими тропами, было странное сооружение: соломенная крыша на четырех столбах. Рядом с этой постройкой сооружалась точно такая же. Оказывается, солому мы везли для крыши этой постройки.

— Не загонять же гусей каждый вечер к будке, в одно место, — объяснял мне Степан Петрович, пока мы выгружали солому. — Воды моя птица не боится, на то она и гусь, а вот от ястреба днем, от филина ночью такая постройка очень даже хороша. И гуси это понимают — как что, сейчас под эти шалаши норовят.

— А от лисиц как оберегаешься?

— На воде лисица гуся не возьмет, а на берегу у меня для птицы тоже удобные места налажены, вроде амбарушек. Там я их и кормлю. Вокруг амбарушек ограды из проволоки устроены. Это лисицам не нравится...

— Ну, как, хороши гуси? — спросил он с нескрываемой гордостью. — Гусиная ферма — мое детище. Давай-ка теперь лодку на бережок повыше вытащим.

Степан Петрович называл из скромности будкой небольшой, недавно срубленный домик в два окна. Внутри дома убранство было нехитрое: койка, два стола, несколько табуреток и полка с книгами. Впрочем, я успел заметить за ворохом газет и небольшой радиоприемник.

— Живу по-холостяцки, — говорил Степан Петрович, разводя в печурке огонь. — В село только раз в неделю, а то и реже, хожу.

— Не скучаешь тут в одиночестве?

— Нет, какое же одиночество? Люди у меня почти каждый день бывают. То корм из колхоза подвезут, то соломы для гусиных шалашей, а то и просто из любопытства заходят. Первая в наших местах гусиная ферма, да еще на лесном озере. Вот оно многим и любопытно.

— А помощника тебе не дают?

— Пока один справляюсь. Хлопот не так много, больше порядка наводишь, охраной занимаешься. Свои-то охотники на это озеро теперь не ходят, — уважают нашу ферму, а чужие и озера не знают. У меня, впрочем, таблички по всему берегу наставлены, и сам обходом хожу...

За чаем Степан Петрович рассказал мне, как возникла в лесу эта ферма:

— Как-то осенью такой снегопад начался — глаз не открыть. Вышел я на крылечко. Слышу в небе преогромное гусиное стадо гагакает, перекликается, тревожно так. Летели они, значит, на юг и закружились в снеговерти.

Через часок снег сыпать перестал, солнце проглянуло. Посмотрел я на наше озеро за селом — черным черно оно, дикие гуси на нем отдыхают. Отдохнули, поднялись — и в путь...

Вечером ко мне несколько дружков моих, фронтовых товарищей сошлось. Боевые дни вспомнили, о своей судьбе поговорили, о разных разностях. Ну, конечно, о пролетных гусях речь зашла, о снегопаде. Кто-то еще пошутил:

— Всё бы это гусиное стадо да к нам в колхоз пало! Выгодное дело!

Тут меня и надоумило:

— Шутки шутками, — говорю, — а дело делом, товарищи. Не с неба надо гусей хватать, а свою гусиную ферму завести, на Заячьем озере. Вот это, действительно, хороший колхозу доход.

Сначала надо мной посмеялись, а потом я за карандаш взялся, за подсчеты. Затерло меня на этих подсчетах — ничего-то я о гусях не знаю, новое это в наших местах дело. Но — затронули меня гуси. Чувствую — дело для колхоза надобное, выгодное, а доказать этого не умею. К нашему участковому зоотехнику зашел, — и у него никаких книг о гусях не оказалось. А всё-таки я своего достиг: достал такую книжку, да не одну. Всю зиму читал их, перечитывал.

Весной раза три с правленцами спорил, брался гусиную ферму на озере организовать. Переспорил, доказал. В город сам съездил, сотню гусиных яиц купил, дома их под кур-наседок подложили. Оно, конечно, было

скандалу: птичницам хочется кур получить, а гуси для них птица незнакомая. Но я на своем настоял: «Вы, мол, и на инкубаторной станции цыплят купить можете, а где я гусей достану?..»

Гусята подросли, в воду полезли, и я их сюда на озеро перевез. Сначала земляночку себе устроил, вроде фронтной. А гусят в заливчик выпустил, выход из него на озеро для первого случая плетнём перегородил. За лето у меня только два гусенка и потерялось. Ведь то хорошо — гусь птица особая, обществом жить любит, у них и охрана своя имеется, чуть что такой сторож по-своему гагакнет — все в тростники... К зиме я полтора десятка гусынь оставил, двух гусаков. Остальных гусей колхозу сдал. Теперь вот третье лето здесь проживаю. Будку мне колхоз поставил. А гусей больше трех сотен.

Он улыбнулся:

— Сначала посмеивался надо мной кое-кто: бабьим делом, мол, занялся. Но я на глупости не обижаюсь. Дело мне по душе пришлось. А доходу колхоз в прошлом году от гусей получил...

Тут на другом берегу озера тяжело б́ухнул выстрел. Уронив табуретку, Степан Петрович выбежал из дома. Через мгновение его долбленка стрелой понеслась по озеру.

«Кто же это по гусям стрельнул?» — с тревогой подумал я и тоже вышел из домика.

Тиха, задумчива была белая полночь. Даже коростель в ивовых зарослях скрипел лениво, словно боясь нарушить лесное безмолвие.

Послышался плеск весла, человеческие голоса. Скоро лодка Степана Петровича показалась из тростниковых зарослей. Сам хозяин греб стоя; еще два человека сидели в лодке; вспыхивал огонек цыгарки.

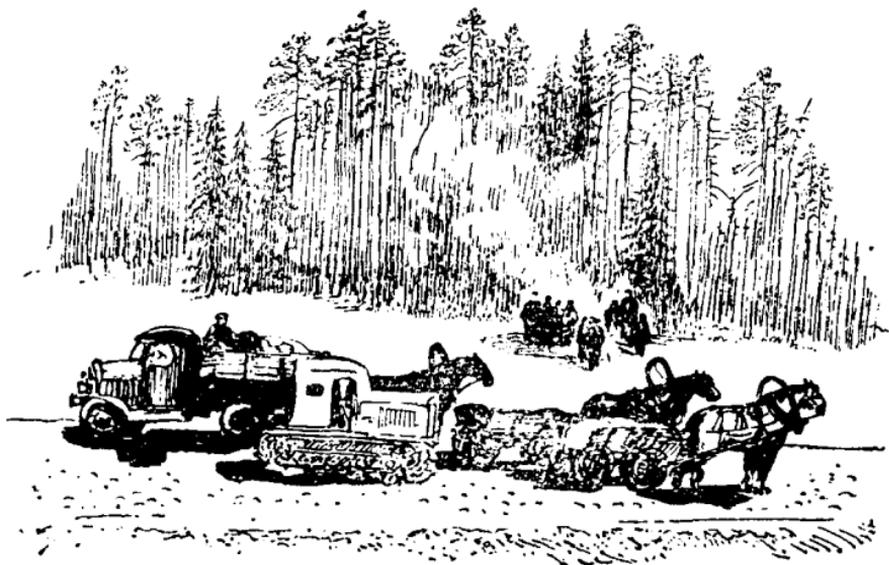
— Нечего сказать, хороши шуточки! — ворчал Степан Петрович. — Не ждал я этого от тебя, Иван Антипыч, не ждал. Напугал ты меня. Ну, думаю, по гусям какой-нибудь вредитель шархнул.

— Да ведь как от тебя перевозу дождешься, как лодку вызовешь? Кричать — далеко, да может ты уж и спать лег, а если пальнуть в воздух раз-другой, ты мигом на выстрелы явишься. Нам с Танюшей только это и надо было, чтобы с тобой свиданье устроить, — оправдывался старческий голос. — Вылезай, Танюша, приехали!

Опять был подогрет для гостей чайник. Всё для меня стало понятным. Соседний колхоз, имевший среди своих угодий два небольших лесных озера, решил тоже завести гусиную ферму. Для ознакомления с делом, а заодно для закупки гусынь и яиц, колхоз направил на Заячье озеро одну из работниц со своей птицефермы. Вот она и приехала сюда с Иваном Антипычем — старичком-охотником. Он-то и догадался, как можно вызвать Степана Петровича «на свиданье».

Степан Петрович, по всему видно, был рад гостям, рад тому, что приехали они сюда учиться делу, над которым еще недавно посмеивались.

— Завтра я вам всё покажу, обо всем расскажу, — говорил он, устранивая гостям постели.

БЕСПОКОЙНЫЙ НОЧЛЕГ

— Как ни выбирай, а ночевать придется здесь, — сказал Комаров, перепрыгивая придорожную канаву.

Кирша и я уныло переглянулись. Нечего сказать, нашел Комаров место для ночлега! Подумать только — в пяти метрах от большой дороги. Впрочем, выбирать и в самом деле не приходилось. Зима была снежная, и хоть давно грело внешнее солнце, но в лесу, под елями, снег лежал по колено. Здесь, у дороги, нашлась сухая полянка, а за ней черной стеной стоял дремучий ельник.

Можно, конечно, и тут огонек разложить, но вот — большая дорога...

Приходилось подчиняться Комарову. Это он недавно открыл неподалеку отсюда хороший глухариный ток и теперь был хозяином охоты. Значит, насчет ночлега — ему и карты в руки.

— Беспокойное место, — пробормотал упрямый Кирша, всё еще не снимая ружья с плеча. — А может, всё-таки, отойдем в лес метров этак на сотню? А?

Но и Комаров был упрям. Пока Кирша раздумывал, он уже начал таскать сухой валежник, разводить костер.

— Не ворчи, Мосеич, — сказал он Кирше. — Принеси-ка лучше воды в чайнике. Выпьем чайку по кружечке, — и сердце успокоится. А проезжие-прохожие тебя не съедят.

Кирша отправился за водой, а я вышел на дорогу, посмотреть на весеннюю зарю-красавицу. А посмотреть было на что! Дорога — словно ущелье в еловой тайге; и там, за поворотом, над черными вершинами деревьев уже дрожала, переливалась зеленым огнем звезда Заряница, такая чистая и ясная в просторном зареве заката. Внизу, под елями, была уже ночь, но в их вершинах еще возились, пели и перекликались дрозды-непоседы.

Короткий свист, странные гортанные звуки... Это вальдшнеп начал свою тягу, свой полет над лесом. И свист вальдшнепа оказался сигналом ночи. Сразу смолкли дрозды...

Костер уже пылал вовсю, когда я подошел к нему. Скоро явился и Кирша с чайником в руке.

— Трактор идет, — сказал он, пристраивая чайник к огню. — Ужо погоди, тракторист обязательно к нам курить явится.

— Посидит и уйдет. Чего нам огня жалеть? — рассеянно отозвался Комаров. Он был занят важным делом — чистил картошку для скороспелой охотничьей похлебки, в которую каждый кладет от своего пая, что может: и мясо, и колбасу, и крупы всех видов. И густо и горячо.

Казалось, идет не один трактор, а несколько машин — такой гул и грохот наполнили лес. Но шум этот стих, как только тракторист поровнялся с нашим почлегом. Заглушив машину, он спрыгнул с нее и направился к нам.

— Мир на стану! — крикнул он.

— Милости просим к огню и чаю, — отвечал Комаров. — Ты почему же, Степан Петрович, в ночь на своем грохотале отправился?

— Новенькую машину веду в колхоз «Побережье». Только вчера с железной дороги в МТС шесть тракторов доставили. Вот и тороплюсь в «Побережье». Завтра там пахоту начнем. А уютно у вас! На глухарей, что ли, собрались?

— На кого придется, — уклончиво ответил Комаров. Какой же охотник будет без надобности раскрывать свои секреты?

— Денька через три мой напарник в колхоз придет, в две смены будем пахать. Тогда и я удосужусь на тока́ сходить, — мечтательно вздохнул тракторист.

— А вот теперь целый обоз по дороге ползет, — сердито сплюнул Кирша. — Увидите — и подводчики у нашего огня будут.

И на этот раз Кирша оказался прав. Все подводы, как по команде, остановились против нас, и четыре паренька возчика, деловито замотав вожжи за передки телег, запрыгали через канаву.

— Куда вы, лешманята?! — закричал на них с задней подводы пожилой рыжеусый колхозник. — Куда, говорю? До утра надо в колхозе быть...

Но пареньки были уже у нашего костра.

— Здравствуйте, дяденьки, — крикнул один из них. — Вот оно как охотники в лесу ночуют! Я еще такого не видывал. А ты, Петька?

— Я тоже, — честно признался Петька, крепкий паренек в отцовском ватнике, с такими длинными рукавами, что пареньку и рукавиц не требовалось.

Рыжеусый тоже подошел к нам, степенно поздоровался с Комаровым, с Киршей.

— Ну, раз такое дело, покурю и я у охотничьего огонька. Пусть лошади отдохнут. Возы тяжелые — зерно сортовое в «Побережье» везем. К севу. А вы что же у самой дороги устроились?

— Снегу в лесу много, — ответил Комаров.

— Да, трудно вам будет к глухарям по такому снегу подскакивать.

— Насчет глухарей еще ничего неизвестно, может, их тут совсем и нет, — опять скриводушничал Комаров.

— Ну, ну, не скрывай! Должен быть ток, сам знаю.

Еще мой отец сюда с ружьем хаживал, говорил, что на десятом километре есть глухари.

— А есть, так нам и хорошо, — заметил Комаров. — Значит, сев начинаете?

— Пора подошла...

Ели за дорогой против нас вдруг озарились ярким зеленовато-белым огнем. На миг в этом свете резко обрисовались черные стволы деревьев, пни, кусты, грязные пласты снега. Этот свет погас так же неожиданно, как и появился.

— Грузовик бежит. Ишь как фарами-то водит. Вот бы такие глаза волку, — заметил Комаров. — Кирша, как предполагаешь, остановится грузовик против нас?

— Остановится. Такое уж у нас поганое место, — буркнул Кирша.

Так и вышло. К негодованию Кирши, все ехавшие в грузовике сочли своим долгом навестить охотников. Кроме шофера, были тут и три девушки-животноводки, возвращавшиеся с совещания из районного центра, и два немолодых, подгулявших дяди. Один из них вез с собою только что купленный патефон. Как было не похвалиться такой чудо-музыкой? И случилось небывалое в охотничьих летописях: под древними елями, у охотничьего костра зазвенела песня Индийского гостя.

— Друг, — прошипел Кирша, толкая меня в бок. — Уйдем отсюда! Лучше до зари на кочке без огня сидеть, чем такое переживать!

— Обождем с полчаса. Уедут все наши посетители, — ответил я ему.

— Жди тут! И отдохнуть у огня не успеем, — махнул он рукой.

Только Комаров был совершенно спокоен. Чинно восседал он на своем пеньке, попыхивал трубкой и, казалось, был совершенно доволен и шумом у костра, и песней Индийского гостя, вообще всем на свете. Ребятишки накидали в костер столько валежника, что гремучее пламя со свистом и ревом взвилось выше елей и заставило всех отодвинуться на почтительное расстояние.

— Хуже всего эта чёртова машинка! Будь она проклята! — простонал Кирша, нервно барабаня пальцами по стволу своего ружья, когда владелец патефона начал вторично прокручивать наличный запас своих пластинок.

По дороге пробежал еще один грузовик. Либо шофёр был человеком занятым, либо его не прельстил охотничий костер, но грузовик даже хода не сбавил.

— Первого доброго человека сегодня вижу, — кивнул Кирша на красный огонек удаляющегося грузовика. — Понимающий шофер!

Но скоро эта машина вернулась обратно, и на этот раз ее водитель подошел к нашему огню.

— Честной компании — привет! — кивнул он. — Придется и мне с вами тут до утра сидеть. Мост на речке вешней водой сорвало.

Тракторист подскочил, словно наступил босой ногой на горячий уголь. Девушки дружно ойкнули, рыжеусый колхозник закричал, а Индийский гость на полслове оборвал свой рассказ о жемчужинах в Полуденном море...

— Шабаш! — хлопнул меня Кирша по плечу. — Пойдем отсюда! Пусть Комаров один тут сидит, дьявол чужуный! До утра теперь здесь этот вокзал будет.

Идти в ночной лес, вязнуть в сугробах мне не хотелось. Кроме того, ни я, ни Кирша не знали, где находится ток, — нельзя было отставать от Комарова. Я начал говорить об этом Кирше, но он, не дослушав меня, схватил ружье и исчез в ельнике.

— Что же делать? — рассуждали у костра наши нечаянные гости. — Возвращаться в райцентр? — время позднее, надо людей тревожить, ночлег искать. Мост рабочие дорожного отдела в лучшем случае исправят только к полудню.

Было решено:

— Сидеть у костра, благо его охотники догадались развести, пока мост не починят.

Вывод из этого решения был один — устраиваться на ночлег. И скоро у огня всё затихло. Подстелив под себя хвою, накрывшись кто чем мог, люди уснули. Только я и Комаров не спали — часа через два надо было выходить на ток.

— Должно быть, за полночь перевалило, — сказал наконец Комаров. — Где-то наш Кирша? Сидит, наверно, как заяц под елочкой. Н-да, беспокойный ночлег. А Кирша тишину в таких случаях уважает. Слышь? Идет кто-то лесом.

Это был Кирша, мокрый почти до пояса. Молча повесил он ружье на сучок ели, молча разулся — из его сапог хлынула ледяная вода; молча развесил свои пор-

тянки для просушки против огня и, лишь усевшись на хвою и протянув озябшие, покрасневшие ноги к пламени, неожиданно для нас крикнул:

— Эй, проезжие-прохожие! Кому в «Побережье» надо? Вставайте, поднимайтесь — есть дорога для вас!

Люди зашевелились. Рыжеусый колхозник, высунув голову из-под какой-то пестрой попонки, хрипло спросил:

— Чего кукарекаешь, Мосеич? Выпил, что ли? О какой дороге говоришь?

— Лягушкин брод забыл?

Рыжеусый, нахмурясь, соображал:

— Тьфу, — наконец поднялся он. — И верно, забыл! А ну, малыши, вставайте, ехать надо! Да погоди, Мосеич, дорога-то к броду, наверно, лесом поросла?

— Ни одного кустика нет. Лесные дороги не скоро лесом зарастают. Не только подводы — и машины пройдут.

— И трактор пройдет? — поднялся тракторист со своего хвойного ложа.

— Говорю — хоть пушки вези. Снег по всей дороге стаял, земля просохла, за эти годы она травой проросла, задерновалась.

— Как же на этот Лягушкин брод попасть? Я не знаю, человек я не местный, — сказал один из шоферов.

— Дорогу я знаю, — отозвался тракторист. — Я первым поеду, вы за мной, подводы за машинами пойдут. Не шибко ехать придется, понятно.

— Дорога и мне известна, — поддакнул рыжеусый. —

Забросили ее лет двадцать тому назад, тогда дорогу спрямили, короче ее километра на два сделали и мост построили. С той поры и забывать стали старую дорогу. Как это ты, Кирилл Мосеич, догадался разведку сделать? Ведь выручил ты нас всех. Завтра сев начинать, а мы тут у костра кукуем.

— А так, — нехотя ответил Кирша. — Взял да прошелся по дороге. И брод перебрел, только за голенища и зачерпнул. Значит, вам по ось будет. Дно на броду крепкое, речной хрящ, галька. Да и надоели вы тут мне.

Рыжеусый ухмыльнулся:

— Всегда ты на слово прямой был, Кирилл Мосеич. Поехали, ребята!

Когда смолк перестук тележных колес, Кирша натянул на ноги запасные шерстяные носки, подмял под своим боком хвою поудобнее и, укладываясь, заявил:

— К чёрту другой раз с таким ночлегом! Ярмарка какая-то. И не зови, Комаров, не пойду больше на такие места.

— Эк ты разошелся, — спокойно ответил Комаров. — Место как место, со всеми удобствами. Даже патефон был. Зря обижаешься.

Но Кирша уже храпел, да так аппетитно, что п нам спать захотелось.

КЛАД

В сумерках добрались мы до охотничьей избушки, построенной кем-то чуть ли не сто лет назад. Впрочем, крыша ее не протекала, а нам это было особенно дорого — осенний дождь разошелся не на шутку.

Африкан, мой неизменный спутник по лесным скитаниям, стал наводить в избушке порядок, а я отправился за дровами. Скоро в печке-каменке запылали сосновые смолистые поленья, и, хотя дым ел глаза, всё-таки было приятно чувствовать себя в тепле и под крышей — очень уж угрюмо шумел за стенами избушки черный лес, и всё моросил и моросил затяжной дождь.

— А вот и еще ночлежник идет, — сказал Африкан, выглядывая в открытую дверь избушки. — Да никак это Илья Гаврилыч из Заозерья? Он самый.

Илья Гаврилыч, сухонький старичок в каком-то допотопном старом армячке, вскоре появился в избушке.

— Мир на стану, полеснички! Ишь как ловко я угодил на готовое тепло, — заговорил он. — Африкану — привет! Здравствуй и ты, товарищ, не знаю, как вас звать-величать. Ах, хорошо, тепло у вас!

Старичок бережно поставил в угол новенькую двустволку-бескурковку и присел у огня. Африкан, хвативший в это время порядочную порцию дыма, кашлял, чихал, даже ногами топал со злости и не сразу ответил на приветствие.

— Уф! Ах! Тьфу ты! Здорово, здорово, Илья Гаврилыч! Милости просим к общему чайнику.

Началась неторопливая беседа. Из нее я узнал, что Илья Гаврилыч ходил в районный центр с каким-то поручением от колхоза, а обратно пошел лесными тропами в расчете поохотиться по пути, да вот — стемнело, припоздал, хотел уж под елью огонек раскладывать, но вспомнил об этой избушке...

— А верно говорят, что ты в прошлом году клад нашел, Илья Гаврилыч? — спросил Африкан, разливая чай по кружкам.

— Верно. Нашел осенью. Раскапывал барсучью нору за речкой Иводой, на Федосовых буграх, да и наткнулся на горшочек медный. А в горшочке — серебряные копейки, вот не больше ногтя на мизинце. Весь вечер я их

дома считал — больше трех тысяч оказалось. Написано что-то на них, да уж больно мелко, не смог и в очках разобраться. Против надписи, на другой стороне копеечки, воин на коне нарисован, с копьем.

— Куда же ты клад приспособил?

— Куда? — Илья Гаврилыч неторопливо добыл из кармана берестяную тавлинку, подцепил из нее порядочную понюшку табаку и затем, понюхав, расчихался и раскашлялся минут на десять, к великой досаде любопытного Африкана.

— Где ты только эту пакость достаешь, Илья Гаврилыч? Кажется, теперь и не нюхает никто, кроме тебя.

— Привычка! От табачного дыма больше вреда — и людям, и себе. А так только один мой нос страдает. Апчхи! Крепко!

— На доброе здоровье. Куда, спрашиваю, клад пристроил?

— Нашел и ему место.

— Наверно, в банк сдал?

— Сначала тоже думал в банк его снести. На государственной земле найден, металл ценный, значит, надо его государству вернуть. А тут наш учитель Иван Никанорыч осмотрел мою находку, для школы несколько копеечек взял, ученикам показать, и говорит: «Сдай ты этот клад в музей. Для науки это вещь нужная, а музей тоже государственный».

— Значит, в музей снес?

— Туда. Пришлось по зиме в город ехать, сбрую для колхоза закупать, и клад с собой прихватил. Интересное

место этот музей — и старина всяческая показана с объяснением, и звери наши, птицы, жучки, растения. Одним словом, три дня смотри, — и то всего как следует разглядеть не успеешь.

— Сколько же тебе за клад заплатили?

— Полагалось сколько-то, да я отказался. «Клад, говорю, для науки сдаю и деньгами не интересуюсь. Мне со старухой немного надо, и в жизни своей я всем обеспечен — и от колхоза, и сын-полковник меня не забывает».

— Так, так. Выходит — пожертвовал клад?

— Как полагается. Ты до конца слушай, Африкан. С кладом-то иначе получилось. Есть в том музее комната большая, а в ней показаны разные земли, пески, глины, камни, какие в нашей стороне имеются. И тоже всё с объяснениями, где эти полезные ископаемые (Илья Гаврилович с явным удовольствием и неторопливо выговорил эти слова, видно еще новые для него) находятся и какая от них польза. Осмотрел я всё это и вижу: нет там нашего розовенького песочка с Максимовского косогора. Да ты этот песочек знаешь? Сразу и не поймешь — и на глинку вроде похож, и на песок в тоже время. Ну вот, прибыл я домой, весны дождался, сходил на косогор, с пуд этого песочку в мешок отсыпал. «Свезу, — думаю, — его в музей, пусть там и наша земля красуется, нет у них такой».

— Свез? Приняли?

— Ты слушай. Прибыл я в музей, показываю этот песочек директору. Он его осмотрел, ощупал. Потом сни-

мает телефонную трубку и просит кого-то в музей поскорее приехать. Ждем. Подкатывает легковая машина. Выходит из нее инженер.

— Инженер?

— Инженер. С завода, с литейного цеха. Здоровается с нами и сразу — на наш песочек. Всяко его испробовал, только что на зуб не брал. И давай меня расспрашивать, где я этот песок нашел, много ли его в косогоре имеется. Отвечаю: «Этого песку на километр в длину, да в ширину, пожалуй, не меньше. А на сколько вглубь лежит — не знаю. Думаю, что метров на пять». Заулыбался инженер. «Вот, — говорит, — и прекрасно! Знаете ли вы, Илья Гаврилович, что это не простой песок, а формовочная земля? Она тоньше, чем простой песок, вот хотя бы такой, на каком сосны в бору растут, и в то же время вроде глины — сцепляется хорошо. Из этой формовочной земли формы делают для чугунного литья. Не везде такую землю найти можно, а вот вы нашли. Хороший у вас глаз, зоркий! Наверно, вы охотник?» — «Охотник», — говорю. Инженер опять: «Прекрасную вы находку сделали, государственную. Ведь мы эту землю на наш завод издалека привозили, большие деньги на это тратили, а земля у нас рядом. Это настоящий клад, и мы вас за это премируем...»

— Премировали?

— А как же! Да ты погоди о премии. Я случаем воспользовался и говорю инженеру: «А нельзя ли, вместо премии, для нашего колхоза штук пять шестеренок чугунных к молотилкам колхозным с завода получить.

Меня за этим колхоз в город командировал, в межрайонную ремонтно-тракторную мастерскую. А у них очередь на литье большая. А нам бы поскорей». Засмеялся он: «Давайте образец. Хотя мы и не принимаем такие мелкие заказы, но для вас — пожалуйста». А шестеренка-то у меня в кармане. Верить ли, через неделю он два десятка новых шестеренок в наш колхоз прислал...

— Это, значит, тебе в премию?

— Это колхозу. А мне другую премию прислали. Вон в углу ружье стоит.

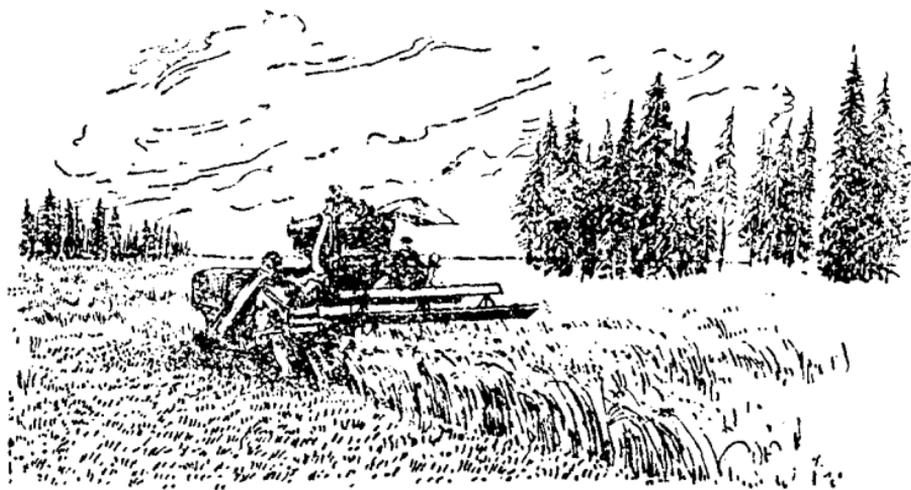
— Ну-ка, покажи, покажи!

Африкан долго вертел ружье, рассматривал на нем каждый винтик, заглянул в стволы, подул в них, пощелкал пальцем, еще раз заглянул и, наконец, уважительно поставил его на место.

— Добрая премия! Заслужил, не спору. Удивительная нынешняя жизнь! Не золото-серебро в цене, а песок формовочный. Значит, он всему народу полезен. А как бой у ружья?

Но Илья Гаврилыч, зарядив свой нос новой порцией табачного зелья, чихал так, что избушка вздрагивала.

— Крепко бьет! — решил Африкан.

ШИРОКАЯ ДОРОГА

Хотя никакого собрания не было, но в колхозной конторе народу набилось полно. Время свободное выдалось, междупарье: с весенним севом покончено, а сенокос еще не начал; к тому же с полудня задождило. Чем одному в избе сидеть, то ли дело на народе побыть!

Не раз председатель колхоза выскакивал из своей комнаты и просил собравшихся:

— Товарищи, потише! Ведь тут не посиделки, а контора. Никак с бухгалтером ведомости подбить не можем!

Но, стихнув на минуту, колхозники возобновляли веселую беседу, как только председатель скрывался в своем кабинете.

Неожиданно под окном заворчал мотор автомашины.

— Директор МТС приехал, — сказали сидевшие у окон. — Сюда идет.

— Привет всем! — снял фуражку и поклонился народу директор МТС. — Никак у вас собрание? Что обсуждаете?

— Разные дела, а больше всего тебя, товарищ Фокин, браним, — ответил за всех плотник Герасимов.

— Чем же я перед вами провинился?

— А вот сейчас узнаешь.

Колхозники притихли. Председателю, выглянувшему из своей комнаты, чтобы пригласить к себе Фокина, которого он давно поджидал, кто-то крикнул:

— Погоди, у нас с директором разговор есть. Спрашивай его, Герасимов, всё по порядку.

— Вопрос у меня от имени всех колхозников нашего колхоза один — почему МТС не хочет нам к уборке самоходный комбайн направить? Во всех колхозах комбайны работать будут, а мы, как обсевки в поле.

— Верно! Почему так?

— Теперь у нас в колхозе не пятнадцать дворов, как год назад, а двести хозяйств. Жнейки да лобогрейки — хорошо. А комбайн лучше! — говорили колхозники, перебывая друг друга.

— Товарищи, друзья! — директор поднял руку. — Отвечу вам ясно и просто...

— Отвечай, отвечай!

— Верно, третьего дня мы еще семь комбайнов получили. Теперь все колхозы обеспечим... кроме вашего. А почему? Потому что к вашему колхозу для комбайна дороги нет. Понятно? На шесть километров с лишним дорога лесом идет, узкая — с трудом две автомашины расходятся. А у комбайна — ширина! Слов нет, и в лесу дороги прорубают, только много, очень много трудов на это положить вашему колхозу придется.

— Выходит, что мы у себя комбайна никогда не увидим? Так, что ли?

— А если в МТС машины придут еще шире комбайна, тогда как же? Всем механизация, а нам лобогрейка?

— Картофельный комбайн теперь изобретен. И к нам в район его пришлют. А мы из-за леса так и останемся без машин?

— Знаю, что вам машины нужны, — сказал директор МТС, — но как их сейчас сюда доставить?

— А нельзя ли комбайн бочком протащить? — предложил подслеповатый дед Курицын.

— Да ведь это не бревно. Бревно и то комлем вперед везут, — возразил ему кто-то из колхозников.

Директор МТС подсел к столу, вытащил из полевой сумки блокнот.

— Тут у меня подсчитано... На полуторах километрах колхозный лес стоит, а на пяти — государственный фонд. Надо получить разрешение на срубку деревьев вдоль дороги, надо вывезти их на приречные склады.

Этого колхоз летом сделать не в силах. Я предлагаю вам запланировать эту работу на зиму, и на будущее лето комбайны к вам придут. А пока... — и Фокин неопределенно развел руками, — преждевременно вам о комбайне думать.

Затем вместе с председателем он прошел в его кабинет.

Народ пошумел, поспорил немного и постепенно стал расходиться по домам. Когда все разошлись, Герасимов приотворил дверь в комнату председателя:

— Дело у меня к вам, товарищи. Пошли-ка ко мне обедать, есть у меня одна думка, хочу с вами посоветоваться...

— Раз такое дело, придется пойти, Василий Васильевич, — обратился председатель к Фокину. — Ты пока двигай, Яков Иванович, а мы тут разговор закончим и через полчаса — за тобой следом.

Как и полагается человеку немолодому, степенному, плотник не сразу приступил к деловому разговору. Только когда на столе появился самовар, Герасимов начал:

— Разговор о дороге сегодня шел. И надумал, скажу я вам, одно дело. Только вы до поры-времени об этом помалкивайте. Оттого я и не стал при народе о своем замысле говорить. Не выйдет по-моему — со стыда сгорить, болтун, скажут...

— Да ты о чем, Яков Иванович? — спросил его председатель.

— О том самом, о дороге. Сейчас я на плане изображу.

Он принес школьную тетрадь, карандаш и, морща лоб, провел на бумаге длинную кривую линию.

— Это дорога, — пояснил он. — Вишь, как ее дугой вывернуло. Иначе и нельзя было нашим дедам ездить. Кругом болота, а дорога сухими местами идет.

— Так. Это известно не только тебе, — сказал председатель.

— Смотри дальше!

Герасимов провел прямую линию, соединяющую концы дуги. На этой линии он начертил несколько продолговатых кружков разной величины, почти соприкасающихся друг с другом.

— Прямая черта — это Лосиная тропа, так она у нас, у охотников, прозывается, а это — рёлки. — Он ткнул карандашом в овальные кружки.

— Что это значит?

— А то, что по этим рёлкам широкую дорогу к нашему колхозу с большака проложить можно. По ней не только комбайн, но и паровоз пройдет, и путь километра на полтора короче станет.

— Позволь, но ведь на рёлках лес? — спросил директор. — Мало того, что его срубить надо, так еще и дорогу заново прокладывать придется.

— Вот и видно, что ты не охотник, — не знаешь Лосиной тропы. Рёлки-то эти — безлесные. Был на них сосновый бор когда-то, а теперь, кроме вересу, ничего не

растет. Пней, и тех мало осталось. Дорогу и проклады-
вать незачем. Там почва плотная, дерновая.

— А болотины между рёлками?

— Верно, в четырех местах есть болотины. Замо-
стить их придется. Но каждая болотинка между рёлками
не больше как на полсотни метров. Если всем коллекти-
вом взяться, — на день работы.

— Пожалуй, ты прав, Яков Иванович, — задумчиво
сказал председатель. — Ведь и я Лосиную тропу знаю.
Как это мы раньше о ней не подумали...

— Почему же сразу через эти рёлки дорогу не про-
ложили? — поинтересовался директор.

— Не до того нашим дедам было! Каждый сам по
себе жил. Новые дороги прокладывать — коллектив ну-
жен. Не было надобности в широкой дороге. А теперь
она нужна, вот как нужна!

— Ну, что же, — сказал директор, поднимаясь. — Ре-
шайте вопрос о новой дороге, тогда и комбайн у вас
будет.

— Нет, товарищ Фокин, — возразил Герасимов. —
Эта дорога — и твое дело. Мы вот что сделаем — осмо-
трим Лосиную тропу, втроем, и решим, стоит ли ее в до-
рогу переделывать.

Директор засмеялся:

— Опять ты, Яков Иванович, прав. — Ну, как, пред-
седатель, пройдемся пешечком по будущей дороге? А?

Расчеты плотника оказались правильными. На Лоси-
ную тропу вышли колхозники с топорами, пилами и ло-

патами, из МТС пришел трактор — пни корчевать, из лес-промхоза бульдозер... Через неделю в районном дорожном отделе на карту новую дорогу нанесли, а старую, подумав, закрестили.

В срок, как раз к уборке ржи, в колхоз пришли два новеньких, сверкающих голубой краской комбайна. Встречали их колхозники так, как когда-то первый трактор встречали. Вот и всё. Хотели было на радостях качать плотника, да того дома не оказалось — он в дальней бригаде новый овчарник строил.

ЛЕСНОЙ ХОЗЯИН

«Лесным хозяином» когда-то, в старину, называли лешего. Деда наши, в простоте душевной, считали, что в каждой роще, в каждом бору есть свой леший, хозяин леса. Впрочем, судя по рассказам тех же стариков, хозяином леший был никудышным и не столько лосей пас, сколько озоровал, ребятишек да старух-ягодниц пугал. А если и пытался он иной раз подшутить над бывалым охотником, то обязательно в дураках оставался.

В шутку, конечно, «лесным хозяином» был прозван в наших местах лесник Федор Петрович Коптев. Уж он-то был настоящим хозяином своего обхода. Ни одного лесного пожара не допустил, ни одной самовольной порубки, каждое дерево наперечет знал; не только лес, но и всё его звериное и птичье население от нечистых рук браконьеров оберегал.

В молодости своей Федор Петрович немало горя хватил. До первой мировой войны батрачил он то у одного, то у другого богатея. В четырнадцатом году стал Федор Петрович солдатом и не снимал с себя шинели, пока после Великого Октября не закончилась гражданская война и не были изгнаны с советской земли все ее враги. Пришел домой Федор Петрович с орденом Красного Знамени на груди.

Вернулся Коптев домой, да это только так говорится — домой. Дома-то у него и не было: к той поре избушка его в селе совсем развалилась. Новую строить Федор Петрович не стал, а подвернулось ему место — лесником на дальний кордон, — туда он и поступил. Потом женился, жену себе под стать взял: рослую, молчаливую, и топором и ружьем владела. Двух сынов, двух дочерей вырастили, выучили. Живут они теперь в городах, каждое лето отца и мать навещают.

Когда зашумела военная гроза в сорок первом году, явился Федор Петрович в военкомат с заявлением. А в заявлении всего несколько слов: «Примите меня добровольцем. Стрелять умею».

— Староват ты теперь для солдатской жизни, Федор Петрович, — сказал ему военный комиссар. — Если и дойдет до твоего года очередь, так нескоро. Жди.

— Нельзя ждать, товарищ военком. Нельзя мне, старому солдату, в такое время в стороне стоять. Прошу принять — уважить старого бойца. А лесником за меня жена порабатает. Она лесу не боится.

Тут спорить нечего.

В сорок пятом, прямо из Берлина, вернулся Федор Петрович на свой кордон. Второй орден Красного Знамени алел на его груди...

В прошлом году вызвали Федора Петровича в райлесхоз, к старшему лесничему.

— Нынче, товарищ Коптев, в твоём обходе лесозаготовки начнутся. Сейчас поедешь вместе с младшим лесничим и представителем леспромхоза лесосечный фонд отводить. С завтрашнего дня узкоколейку к вам потянут.

— Как же так, Василий Иванович? Лес-то в моём обходе больно хорош!

— Государству плохого леса и не требуется. А береза в твоём обходе — авиационная, сосна — мачтовая. Деловая древесина, прекрасная. Дошла очередь и до твоего обхода.

— А я куда? Пни караулить?

— Без дела не оставим. На шестой кордон переведем. Подумал, помолчал Федор Петрович:

— Понимаю — лес государству нужен хороший. Своими глазами видел разрушенные фашистами села и города. Уж ты прости, Василий Иванович... Как-то не верилось, что мой участок рубить будут. И знаю — надо, а думалось, обойдется и без моего участка.

— Так собирайся. Надо вам засветло на кордоне быть, чтобы с утра за работу взяться. Молодец ты — хороший лес сберег.

— Лес сберечь не хитро — вырастить его трудно. Да уж такое дело — великие стройки в нашей стране начинаются... Поторопите Ершова, а я готов.

Недели через две Федор Петрович за новым назначением в райлесхоз явился.

— Загремела у нас работа. Пошел наш лес на великие стройки. Куда мне перебираться прикажете?

В ту пору в кабинете лесничего секретарь райкома партии был.

— А, лесной хозяин явился? Здравствуйте, Федор Петрович! Куда это переезжать собираетесь? Наверно, свой обход жалеете?

— Как не жалеть, а только так понимаю, что моя жалость дешевая, — важно, что лес Родине пригодился. Это дорого. Однако и мне у пеньков сидеть не придется. За назначением пришел.

— Во-время пришел, товарищ Коптев. Мы хотели за тобой посылать, а ты сам явился. Организуется в нашем районе лесопитомник. До сих пор мы лесá восстанавливали естественным порядком, точнее говоря, оставляли на вырубках семенные деревья, «семенухи», и надеялись только на эти семенухи. А при таком способе, да без достаточного ухода, лес не скоро поднимется. Теперь хотим восстанавливать лесá с помощью питомников. Молодняк из питомников будем переносить на места вырубок. Впрочем, ведь это ты и без меня знаешь.

— И слышал об этом, и читать приходилось, но в наших местах это дело новое.

— Да, это дело новое. Поэтому надо подобрать для него лучших лесных работников. Подумай сам, будем мы выращивать лес не «на авось», а планово, мало того: не только местные породы — ель, сосну, березу, — но и

лиственницу начнем сажать, и другие ценные породы. А ты для этого дела подходящий человек — лес любишь, умеешь его сохранять. Лес не только нам, но и нашим детям и внукам потребуется.

— Понимаю.

— Вот мы и решили тебя помощником директора лесопитомника назначить. Согласен?

— Согласие дать можно, да будет ли из этого толк? Грамотность у меня невелика.

— Директором питомника будет у нас человек образованный, молодой инженер. У него знания, у тебя практический опыт. Он тебя теории подучит, ты ему в практической работе поможешь. Ну, говори «да»...

Был я на днях в лесопитомнике. На площади в несколько десятков гектаров поднялись молодые, еще не выше травы, сеянцы лиственницы, ели, сосны. Птице на них сесть, зайцу по ним пробежать не дает Федор Петрович.

— Признаться надо, скучал я первое время, — рассказывал мне Коптев. — Привык я на кордоне в тишине сидеть, по лесам бродить. А потом захватило меня новое дело, так захватило, сказать трудно. Спать вечером ляжешь, перед глазами зелененькие сеянцы стоят, слабенькие такие. Только и думаешь о том, как бы их уберечь, как бы дать им силы набраться.

Он смущенно улыбнулся:

— Очки вот купил, читать много приходится. Я и раньше любил читать, были у меня на кордоне кое-какие

книги. А здесь — не романы читать надо, а научные книги. Первое время, веришь ли, голова болела, многого не понимал, главное — нерусские слова. Спасибо директору нашему — хорошо помогает мне. Теперь стал в научных книгах разбираться...

Он помолчал, прислушиваясь к лесным голосам. Солнце уже село, но лес еще звенел песнями дроздов, далекой перекличкой кукушек, свистами и трелями птичьей мелочи.

— Теперь я при деле на всю жизнь, — продолжал Федор Петрович. — Чудесное дело! Вон в том углу питомника у меня в прошлом году сибирские кедры посажены: сто двадцать два семечка. Скоро должны всходы появиться. А вон там, правее, — желуди. Хочу посмотреть, будут ли дубы у нас расти. У нас, правда, север, но климат сырой, зима не морозная. Должны бы и дубы подняться. Всё это — опыты, конечно. В Ярославль недавно написал, в одно научное учреждение, попросил семена дальневосточного лимонника прислать, высею их. Много чего хочется сделать.

Он вздохнул:

— Одно меня смущает — годы мои немолодые, на шестой десяток давно идет. Хотелось бы дождаться, когда наши саженные леса зашумят. Ну да я еще поживу! Сыну своему, Борису, написал, — он сейчас у старшего брата живет, десятилетку кончает: «Иди, — мол, — учиться в лесной институт, сменяй отца на лесном деле». Хочу его уговорить. А пожить еще хочется, дождаться новых лесов. Дождусь. Человек я упрямый!

«УВАЖИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО»

Болоту, казалось, не будет конца. Второй час шлепал по нему Игнатий Петрович, устало отгоняя липнущих к потному лицу комаров, а дальний лес всё еще оставался дальним. Пасмурный день, более похожий на сумерки, окончательно рассердил лесника.

— Понесло меня сегодня зачем-то в этот угол, — ворчал он. — Ну чего тут осматривать, кому это болото нужно?

Старик ворчал больше для порядка, по привычке. Обход у него был большой, и требовалось хоть раз в ме-

сяц побывать в самых отдаленных уголках своего хозяйства.

День был таким тихим и сонным, что даже два журавля не обратили внимания на одинокого человека, пересекавшего болото. Птицы только отошли подальше и продолжали поклевывать прошлогоднюю клюкву.

Потянул ветерок, отогнал комариные стаи, а потом и небо посветлело в зените. Стало веселее. К тому же и лес теперь был недалеко. Но тут Игнатий Петрович заметил на опушке векового бора слабую струйку дыма. Старик прибавил шаг.

«Не пожар ли?» — с тревогой подумал он.

Нет, это был не пожар. Дым поднимался от костра. Рядом с огоньком из куска брезента было устроено что-то вроде небольшой палатки. А под этим брезентом сидел пожилой, незнакомый леснику человек, с седой бородкой клинышком, в очках. Он что-то писал.

Лесник успокоился. По всему видно, что степенный человек сидит у огня.

Но кто он такой?

— Мир на стану! — приветствовал незнакомца Игнатий Петрович.

— Здравствуйте, здравствуйте! — ответил незнакомец, поднимая очки на лоб и разглядывая лесника. — Наверное, лесник?

— Правильно. А вы кто будете?

— Законное и понятное для лесника любопытство. Я — руководитель группы торфоведов. Обследуем ваши болота. Кстати, не встречали ли вы на том краю болота

трех молодых людей? Это студенты-практиканты из моей группы.

— Нет, не встречал. А что?

— Видите ли, уговорились мы осмотреть это болото с разных сторон. Я пошел по этому краю, они по тому. Встретиться надо было именно здесь. Я еще вчера вечером пришел сюда, ночевал здесь, а моих товарищей нет и нет. Не понимаю, что с ними случилось? Заблудиться они не могли: у них карты есть и компасы...

— Значит, заблудились.

— Почему же? У них, повторяю, компасы есть.

— На этом болоте компасы ошибаются.

— Почему же они ошибаются?

— А кто его знает почему?

— Видно, лежит на дне вашего болота, товарищ лесник, железная руда. Она-то и влияет на компасную стрелку.

— А я-то думал, что на этом болоте ничего полезного нет. Мох да клюква, и та с горчинкой.

— Зря вы, товарищ лесник, так думали. Замечательное ваше болото! Это ведь целый склад ценных вещей.

— Ну, железо — это действительно ценно, а больше, по-моему, ничего ценного нет, — не соглашался лесник.

— Железо еще вовсе не такая большая ценность. Надо знать, какого качества руда здесь лежит. Обычно железные руды в болотах засорены посторонними примесями и не выгодны для разработки. В дальнейшем, конечно, мы и их используем, но в данное время выгоднее разрабатывать более чистые руды.

— Какие же богатства в этом болоте, кроме железа, есть?

— Торф!

— Г-м! Этого добра в любом болоте много.

— Зачем так иронически относиться к торфу! — покачал головой незнакомец. — Ведь торф и топливом может быть, и на удобрение идет — мало ли куда еще идет!

— Ну — торф, ладно, согласен. А кроме торфа еще что-нибудь есть?

— Есть под торфом, правда, не в каждом болоте, и сапрпель — серая такая земля, вернее, бывший ил того озера, на месте которого образовалось болото. Сухой перегонкой из сапрпеля можно добывать некоторые нефтяные продукты. Может оказаться и вивианит — яркосиняя краска. Но для того чтобы узнать, какие богатства таятся в болотах, надо изучать болото. Тогда эти богатства будут в наших руках.

— Ну, а если в болоте ничего, кроме торфа, нет, а торф пока не требуется, так, по-моему, болото — всё равно пустая вещь.

Незнакомец сердито сдернул с носа очки:

— Я ему — стрижено, а он мне — брито. Экий вы упрямец! Так разрешите спросить: а есть ли что ценного в том лесу, который вы охраняете?

— Наш лес — не лес, а золото! — обиделся, в свою очередь, Игнатий Петрович. — Ученый человек, а такое говорите. Да без леса человеку жить невозможно! Как родился человек, так ему люльку надо делать. Из чего?

Из дерева! И помер — в деревянный гроб ложится. А домá из чего? А корабли? А дрова? Разве можно с вашим болотом сравнивать?

— О лесе я в шутку сказал, — засмеялся незнакомец, — а вы... Ну что вы скажете, если пустое, по-вашему, болото засеять лесом?

— Ничего не вырастет. А если и вырастут сосенки, так на них жаль смотреть будет — тощие, кривые.

— Ничего, ничего! Наши ученые такие деревья выведут, такие новые породы, что они на болоте, как на дрожжах, расти будут. Вспомните мое слово. А ежели болото травой засеять? Тоже такой, которую наши ученые выведут. А? Какие луга будут вместо болот! Э, что там говорить!

— Разве что так, — пробормотал упрямый лесник. И чтобы переменить разговор, он протянул незнакомцу свой кисет с табаком.

— Закурим? На сердце приятней, а комарам тошней.

— Благодарю. Некурящий. Где-то мои студенты? Завтра к полудню на пристани надо быть, домой возвращаться, а их нет и нет. Опоздаем на пароход!

— Вы бы чайку вскипятили, — предложил Игнатий Петрович, — а так ведь скучно сидеть.

— Ничего не выйдет. И чайник, и котелок, и вообще продовольствие у ребят. Взяли весь груз себе, чтобы меня облегчить, и вот...

— Так не евши и сидите с ночи?

— Похоже на это...

— Ну и ну! — Лесник торопливо скинул свою ко-

томку с плеч, развязал ее и добыл оттуда большой кусок пирога, несколько яиц, котелок, кусок сахара, кружку.

— Кипятите чай, закусывайте, а я крайкой болота пройдуся, найду ваших потеряшек. Тут мне всё знакомо. Они не иначе как на Кривую елань забрели. Я вам их мигом доставлю...

— Скажи на милость — какая ценность эти болота! Думается, что в них? Одна слякоть. Только журавлям по ним и ходить, благо у журавлей ноги длинные, не завязнут. Ан дело-то это уважительное. Конечно, не так просто торф взять или до руды докопаться, а всё-таки возьмем и докопаемся. А ежели лесá на болотах вырастить, травы особенные?

Так рассуждал Игнатий Петрович, торопливо шагая болотом. Ему даже показалось, что идет он невиданным доселе лесом и деревья в нем какие-то особенные — стволы у них гладкие, красноватые, как у сосны, а листья вроде кленовых. И не сырой мох чавкает под ногами, а шелестят, сплетаются узорные сочные травы с яркими цветами...

Но, рассуждая сам с собой, Игнатий Петрович и дела не забывал: зорко поглядывал по сторонам, не видать ли где спутников того старика, что остался у огонька под соснами.

Лесник пересек самую узкую часть болота и пошел его окраиной. Облачная пелена на небе растаяла, и солнце грело всюю.

— Здесь должны быть, — пробормотал Игнатий

Петрович. Вишь, следы есть на песочке. Промахнулись они со своим компасом. А ну-ка, пальну!

После выстрела он прислушался. Лес молчал. Тогда лесник, приложив ладони ко рту, прокричал:

— Эй, студенты!

Ему откликнулись три голоса.

— Давай сюда! — опять прокричал Игнатий Петрович.

Через несколько минут он уже вел студентов через болото на дымок костра.

НА ДАЛЬНИЙ ЗОВ

На утренней заре старый лось вышел к озеру на водопой. Шел зверь, не хрустнув и малым сучком, не стряхивая росы с ветвей. Долго стоял на берегу, настораживая уши, шевеля ноздрями, прислушивался, приглядывался — нет ли чего недоброго.

Столбами плыл, качался над озером туман. Высоко над туманом, в чистом небе летела чайка, и крылья ее сверкали, как золотые серпы в лучах солнца, еще невидимого отсюда, снизу. На середину залива выплывала старая хитрая гагара. В еловой чаще, над ручьем-

говоруном, словно в серебряные дудочки, посвистывали рябчики. И лось спокойно входил в воду, погружался в нее по плечи, вздрагивал от наслаждения всей кожей, и пил, пил, зорко косясь на ближний мыс, на его непролазные заросли.

Когда лось, напившись, вышел на берег, прошумел по лесу ветерок, принес зверю запах человека. И лось, всхрапнув, метнулся в чашу, треща валежником.

Этот же ветерок донес тревожный запах и до медведицы, что учила своего медвежонка охоте на муравьев. Она замерла на миг, потом злобно ощерила желтоватые зубы и чуть слышно заворчала. Однако железом и дымом не пахло, этих запахов не любят звери. Медведица успокоилась, но всё же неслышной поступью торопко заковыляла прочь, в кустарник. И так же неслышно побежал, покатился за матерью медвежонок, как и она, время от времени останавливаясь, нюхая воздух...

Белка сбежала вниз с вершины ели, где было ее гнездо и в нем маленькие. Но вдруг она сердито зацокала и комком рыжего пламени взвихрилась обратно по чешуйчатому стволу, оттуда перепрыгнула на сухую березу, пробежала до нижнего сука, прилегла к нему и еще яростнее забранилась по-своему, зацокала на тех, кто помешал ей спуститься на землю поискать птичьих гнезда. На беличий крик прилетела сорока, зашныряла по елям, застрекотала на весь лес...

Утренний ветерок, беличье цоканье, сорочий стрекот разбудили лежавшего под сосной Васю. Он долго протирает глаза, потягивался, но вдруг, вспомнив что-то, вско-

чил, и лицо его стало озабоченным, невеселым. Федя и Венька еще спали, поджимая под себя босые, озябшие ноги.

— Ребята, вставайте, пора! — затормошил их Вася. — Поспали — и хватит. Вставайте, идти надо!

Они проснулись, с удивлением осмотрелись. Венька слезливо сморщился, задрожали губы и у Феде.

— Эх, вы! Хныкалы! — укорил их Вася, хотя и самому было невесело. — Не вздумайте реветь! Ну, что ж, вчера заблудились — сегодня дорогу найдем! Слезами горю не поможешь. Потом самим стыдно будет.

— Есть и пить хочется! — вздохнул Венька.

— Ишь ты! А потерпеть не хочется? Какой из тебя солдат будет! Пошли!

— Куда пойдем-то?

— Вон туда, — махнул Вася рукой на восток. — Солнце за нашим поселком восходит, а лес к западу будет. Поняли? Ну, за мной!

Лес, лес и лес! Еще только что встало солнце, еще в обильной росе была трава, а уже лились, текли над лесом потоки летнего зноя. Тяжело гудели шмели, на солнечном припеке плясали дымными столбиками толкунчики. А в низинах стоял еще парный воздух ночи, пряно пахло болиголовом, ныли бессонные кровопийцы-комары.

Словно море где-то зашумело мерной зыбью — запел, загулял в лесных вершинах летний ветер.

Вот и вчера таким же радостным, светлым, мног шумным был этот лес, когда вошли в него три паренька, три друга, в поисках сладкой ягоды — черники. А самые

лучшие черничники были, по рассказам старших, за Гришкиной нивой, у Балун-озера, под ельниками, по краям болот. Но туда и старшие не всегда ходили — знал те места только, пожалуй, один Клим Егорович, заводский сторож, первый рыбак и охотник в рабочем поселке. Пошли ребятки с тайным замыслом — самим добраться до заповедной Гришкиной нивы, принести на радость своим семьям по большой корзине черники. Пошли и заблудились...

Дотемна бродили они по лесным тропам и тропинкам, посмеивались над собой, бодрились. А потом — пришлось ночевать под сосной.

Утро порадовало ребят, но и озаботило их. Ведь дома ждут их, беспокоятся, матери, наверно, плачут... И ребята вздыхали...

Вася шел впереди, уверенной походкой человека, знающего дорогу, посвистывал, заговаривал с дружками, покрикивал:

— А ну, не отставать!

— Вот что, ребята, — сказал он, когда выбрались они на крутую горку и остановились под высоченными елями: — Давно бы мне догадаться. Надо забраться на елку, с нее далеко видно. Вот и поселок увижу, либо заводскую трубу.

Федя и Венька с уважением и некоторым страхом следили за ловкой фигуркой Васи, мелькавшей среди мохнатых еловых лап. Это тебе не дома на огороде на черемуху залезть, ель-то, вон она какая, за нее чуть облака не зацепляются.

Вот Вася совсем скрылся, вот задрожала, качнулась верхушка ели, и донесся Васин голос:

— Я наверху!

— А что видишь? — перебивая друг друга, закричали Венька и Федя.

Ответа не было. Равномерный, мощный гул ветра, бегущего по лесным вершинам, заглушал их голоса. Крепко обняв руками покачивающуюся вершину ели, Вася жадно всматривался в даль, но кругом под ним был только бесконечный зеленый океан лесов, темнеющий там, где падала на него тень плывущего облака, желтоватый, где были моховые болота, яркозеленый, где шумели веселые березняки. Ни крыши человеческого жилья, ни серебряной ленточки реки. Лес, лес и лес...

Мерный рокот донесся до Васи. Почтовый самолет зеленой стрекозой плыл под облаками. Вот он всё ближе, ближе, вот уже видны красные звезды и белые большие цифры на его крыльях. Вася с завистью вздохнул. Летчик, конечно, видит не только заводский поселок, но и многие другие села и деревни. Ах, крикнуть бы летчику: «Дядя, возьми нас!».

Проводив самолет глазами, Вася вдруг радостно свистнул и начал быстро спускаться с ели.

— Слышали — самолет летел? — крикнул он своим товарищам, спрыгивая на землю.

— Слышали. Ну и что из этого?

— Ведь это почтовый. Он же каждый день над поселком к райцентру пролетает.

— Это мы знаем.

— Значит, и знаете, да плохо. Куда самолет летит, туда и нам идти надо.

— А если он уже обратно летит?

— Не может этого быть! Сейчас утро, а обратно он после полудня пролетает. Пошли!

Ребята ободрились. Нашли полянку с черникой, — крупной, сладкой, — но собирать ее не стали, только сами поели, сколько могли. Голода это не утолило. Вдобавок овладела всеми странная вялость, ноги, словно набитые ватой, цепялись за травы, с трудом перешагивали через валежник.

Ребята обрадовались было, выйдя на какую-то дорогу, но тут же поняли, что это зимник — по этой дороге лишь ездят за дровами или сеном.

Отдохнули, напились и умылись на берегу ручья, заросшего ольхой и красной смородиной. Спелых ягод, прозрачно-красных было много, но поесть их не удалось: там, в кустах, оказалось осиное гнездо, а воевать с осами из-за такого пустяка, как ягоды, сегодня, право, не стоило...

Вдали давно что-то глухо постукивало, но ребята на это и внимания не обращали. Грозу заметили только тогда, когда в лесу внезапно потемнело и по вершинам елей грозно прокатился стремительный вихрь.

Отсиделись под огромной земляной лепехой-выскородью, которую вывернула своими корнями старуха-ель. Видимо, недавно свалил ее ветер, — еще не пожелтела, не осыпалась хвоя с поломанных, измятых ветвей этой ели...

Гроза скоро прекратилась. Но идти стало еще хуже. Солнце исчезло в теплом парном тумане. С каждой, даже самой малой веточки, — только задень ее! — сыпались водяные брызги, и ребята скоро промокли до нитки. Высоко-высоко где-то опять пророкотал самолет, но как ни старались ребята, не смогли угадать, в какую сторону пронеслась стальная птица. Шли теперь наугад... Каждый мечтал об одном, и только об одном, — о горбушке хлеба, густо посыпанной солью. Казалось, дорожке этого ничего не могло быть. Противно прилипала к телу мокрая одежда.

— Отдохнуть бы! — шептал то Федя, то Венька.

— Какие там отдыхи! — сердито отвечал Вася. — Надо идти, пока ноги несут. А отдохнем ночью, если до того времени из лесу не выберемся

И вдруг Вася остановился.

— Ш-ш-ш! — погрозил он рукой остальным. — За-мрите и слушайте!

Вася долго стоял, прислушиваясь к чему-то, что не было слышно его товарищам. И, наконец, подпрыгнув от радости, не своим голосом закричал:

— Гудок заводской! Наш! Там он гудит! Пошли! Это вечерняя смена.

Они торопливо шли туда, куда звал их гудок. Было тихо, и это помогло им через несколько минут снова услышать, совсем хорошо услышать медное «А-а-а-а!».

— Второй гудок, второй гудок! — напевал Вася, прибавляя шагу. — Второй гудок! Хотя и далеко было до гудка, но ребятам казалось, что они уже дома, еще

немножко, и откроются знакомые поля, берег реки, крыши поселка, красная кирпичная труба над лесопильным заводом и шипящий паром гудок рядом с трубой.

Гудок запел в третий раз:

— Что же это такое? — забеспокоился Вася. — Уж не случилось ли чего на заводе?

Мальчики замолчали, стараясь не сбиться с того направления, откуда доносился гудок. Вот он замолчал, а через минуту опять затянул свою песню.

Резкий свист заставил всех троих вздрогнуть и остановиться. Раздвигая кусты, к ним шел Клим Егорович с ружьем за плечами.

— Здорово, молодцы! — насмешливо снял он перед ребятами шапку. — Где побывали, что повидали? Мокрехоньки-голоднехоньки.

Обычно заводские ребяташки побаивались сурового сторожа, но сейчас они так были рады ему, что расцеловали бы его. А Клим Егорович допекал их:

— Ну что, потеряшки-рваные рубашки? Поплакали? Поревели? И лешего, наверно, встретили? А с медведем как разошлись? А?

— И не плакали мы, не маленькие, — сердито ответил Вася. — И леших не бывает. И медведя не видали...

— Ну, тогда всё в порядке. Натек-ка хлеба, бродяжки. Зачем не спросясь без старших в лес ушли? А?

— Надо же когда-то и самим в лес ходить, — ответил Вася, откусывая от горбушки большой кусок. — Не всё нас за ручку водить!

— В известной мере ты, молодой человек, прав, —

сказал Клим Егорович, — но только в известной мере. — А вот хлопот вы наделали...

— Дядя Клим, а почему гудок всё время гудит? Не пожар ли? — спросил Вася.

— Какой пожар! Это директор приказал гудки давать, чтобы вы их слышали и на них шли. Рабочие детки, гудок знать должны. Теперь и мне сигнал надо дать, что вы нашлись. Вас много народа ищет.

Он выстрелил два раза и, когда откуда-то издалека донеслись ответные выстрелы, забросил ружье за спину, закурил и скомандовал:

— Всё в порядке! Пошли домой!

МУРАВЕЙНОЕ САЛО

«Выручайте!» — таков был смысл телефонограммы с верховьев реки.

Можно было не объяснять, в чем дело. Несколько дней тому назад прошла гроза, а потом начались затяжные дожди. Ручьи и речки надулись мутной теплой водой, сплавщики сначала было обрадовались, а потом и заохали — двинуло лес, начались заломы. Дождевые паводки скоротечны: не успеешь залама разобрать — спала вода, обсохла древесина. Надо ловить момент.

— Ох, уж эти сплавщики! — вздохнул кто-то из

нас. — Какую погоду им ни дай, — всякой они недовольны. А выручать их надо. Дело-то общее.

Районные власти обратились к соседним колхозам, к учреждениям, предприятиям. Быстро были созданы бригады на помощь сплавщикам. На автомашинах их стали отвозить к Белому порогу.

— А давайте-ка пешечком направимся, — сказал нам Андрей Житников. — Дело к вечеру, по холодку пойдём, с песнями. Машина — вещь хорошая, да маловато их у нас — пока туда-сюда сбегают, время-то и уйдёт. Конечно, большой дорогой до Белого порога полсотни километров, а я вас охотничьими тропами проведу — и тридцати не наберется. На машине поедешь — то у ней камера лопнет, то еще что-нибудь. А ноги — дело верное.

Подумали мы, порассчитали и согласились с Андреем. Всё равно наша очередь на отъезд только к утру будет, не раньше.

Пошли. И прямо надо сказать — ходко пошли. Лесной тропинкой идти мягко, не то что по гравию да булыжнику на большой дороге. И прохладно в лесу, а то солнце после дождей свое навёрстывать взялось.

Сначала с песнями, с разговорами, с шутками в обгон друг друга шли, потом петь перестали, шутки сократились, наконец, и разговоры смолкли. За Андреем угнаться, что и за лосем, — без ног будешь. Ругнуть бы нашего вожака, да не за что — сами на пеший поход согласились. И на дорогу теперь не выйдешь, чтобы машины обождать, — дорога-то, она теперь за болотами, за топями.

— Андрей, ты бы шагу убавил! — взмолился кто-то.

— Прибавить надо, а не убавить, — отрезал Андрей и еще шире зашагал.

— Андрей Иванович, присесть бы, покурить, — говорят другие.

Андрей молчит. Топают себе и топают, только комаров на ходу бьет — много их в том году было.

Наконец, смилостивился наш вожак. У ручейка под соснами скомандовал:

— Две трети пути сделали! Теперь час отдыха. Предлагаю всем разуться, ноги вымыть и на травке полежать.

Всех, всех заставил по-своему сделать. И говорит:

— Мне на фронте уметь ходить очень пригодилось.

И рассказал нам Андрей, как его ходьба выручила.

Надо было очень важное донесение от партизан командованию фронтовых частей доставить. Сто с лишним километров Андрей за полторы суток прошел и пакет к сроку доставил. Только и отдохнул между походами часика четыре.

— Неужели нельзя было иными путями обойтись? — посомневался кто-то. — Ведь и радио есть, и самолеты.

— На ту пору ничем этим нельзя было воспользоваться. У передатчика питания не было, а погода была нелетная — туман, мгла. Я когда обратно шел, и питание к передатчику на себе нес. Досталось спине.

— А теперь я вам про муравейное сало расскажу, как оно охотникам в дороге помогает.

— Ну, расскажи.

— Я в семье старшим рос. А старшему забот да хлоп-

пот больше, чем другим ребяташкам. Как же? Помощник отцу и матери. Ну, по домашности еще туда-сюда, а вот как начал меня батя на охоту водить, тут мне и туго стало. Встать нужно до свету, идти — торопиться. И дороги-то не видно, и спать хочется, и сапоги ноги жмут. А плакать парню нельзя. Отец попрекнет: «Какой из тебя солдат будет, ежели ты в своем лесу раскис?». А всё-таки пожалеет. Зорьку возьмем, идем домой не спеша, я едва ноги волоку. Отец и говорит:

— Сядем, отдохнем. Ты, парень, разуйся, ноги вымой, а я их тебе муравейным салом смажу — никакой усталости не будет.

Побродит за кустами, принесет оттуда зеленого моху комок, а в нем муравейное сало!

— Тятя, покажи, какое оно?

— Ужо, потом. Давай скорей ноги. Пока сало не растаяло, я их тебе смажу. Муравьи всегда этим салом себе лапки мажут, оттого и бегают без усталости.

Натрет мне ноги, отдохну я часок и верно-таки — легко, хорошо потом идти...

— Андрей Иванович, а может ты и теперь поискал бы этого сала? — спросил кто-то. — Ведь оно и нам помогло бы.

— Нет такого сала, — улыбнулся Андрей.

— Как нет? Ты же сейчас рассказывал...

— Шутил батя надо мной, малышом. Никакого у него сала не было, просто он мне для утешенья сырым мхом по пяткам водил, а я радовался.

— Ты ж говорил, что после этого идти легко было?

— Правильно. Часик отдохнешь, ноги вымоешь — и всё в порядке. Вот и вас я заставил ноги мыть. И пойдём мы теперь, как журавли, — редко, да метко. С этой батиной шутки научился я неуютно ходить. Конечно, порядок в ходьбе соблюдаешь — обуваешься не туго и не слабо, сапог по ноге, идешь не вихляешься, стройненько. Переходы большие делаешь, — и отдых не на пять минут через три километра, а на час через пятнадцать-двадцать. А теперь поднимайтесь, друзья!

После отдыха у нас опять разговоры пошли. И вот выводит нас Андрей на большую дорогу. Только мы вышли на нее — катит автомашина. За нами, оказывается.

— Ловко угадали! — сказал я, забираясь на грузовик.

— Договоренность такая у меня была, — пояснил нам Андрей. — Чтобы время не терять, решил я вперед пешком зайти. Сало-то салом, а всё-таки машина нам облегченье. И на пороге вó-время будем.

Погудел шофёр, и покати́ли мы сплавщикам помогать.

МАЛЕНЬКУЮ РЫБКУ ПОБЕРЕЖЕШЬ — БОЛЬШУЮ ПОЙМАЕШЬ

Всю ночь шумел надоедливый осенний дождь, глухо ворчали мутные волны озера. Утро пришло хмурое и туманное, словно больное. Избы рыболовецкого колхоза потемнели, дым из труб стлался по земле: видно, быть долгому ненастью. Но, чуть дождь приутих, на озере закачались паруса — рыбаки вышли на лов.

В моих сенях заворчала собака и тотчас же ласково взвизгнула. Шел кто-то свой. Это был Африкан.

— Ах, погодка добрая! — не здороваясь, крикнул он мне с порога, — красота охота будет с гончими в лесу. Я пожал его мокрую руку. Африкан только что

вернулся с озера, от старика крепко пахло рыбной свежестью, смолой.

— Вот твоей хозяйке леща принес, — хлопнул он на стол большую золотистую рыбку. — Не скучаешь? Охотнику да рыбаку всякая погода на радость. Не за тем, так за другим выходить можно. Чем занят?

— Читаю.

— Ночью при лампе начитаешься. Дай-ка табаку на трубочку — силён у тебя, да одевайся, я тебе интересное покажу. Человек ты у нас новый, много не видал. Пойдем.

— Далеко?

— Охотник да рыбак про то не спрашивают.

Мы вышли на берег озера. Ветер стихал, но волна стала больше, тяжелее. С грохотом била она в прибрежные валуны, и белые столбы брызг вскипали то там, то здесь.

— Давай-ка сюда. Видишь? — и Африкан показал мне на ручеек в песке. Был тот ручеек в полметра шириной, а глубиной, наверно, в пять-шесть сантиметров.

— Что такое?

— Смотри. — Африкан присел на корточки, разглядывая что-то в ручейке. Присел и я.

— Видишь? Малек-сеголетка в озеро уходит.

Действительно, по всей канавке сплошным ковром сверкали крохотные рыбешки, уносимые течением. Это были, как назвал их Африкан, «сеголетки» — язьки, плотички, ельцы, окуньки, только нынешней весной вышедшие из икры.

Ручеек местами был мелок даже для этой рыбешки. Выброшенные струей на песок, мальки судорожно бились, прыгали, пока их не смывала другая струя. И вся эта рыба мелочь стремилась в озеро, и только в озеро...

— Ну, теперь понял?

— Пока еще мало.

И Африкан рассказывает:

— Берега нашего озера плоски, низки, речки, впадающие в него, медлительны и шумят только весной, вынося из лесов снеговые воды. Именно в эти дни большими стаями, «ятвами», заходят в речки язи, плотва и другая рыба метать икру. Весело тогда на речке, особенно по зорям. Кто видал рыбы нересты, знает, как кипит вода от всплесков крупной рыбы, качаются, шуршат верхушки прошлогодней осоки, хвощей, наполовину затопленные внешней водой. Выметав икру, рыба уходит обратно в озеро до следующей весны, а речка шумит всё тише и тише, потом и совсем стихает, — скатились, сбежали снеговые воды. При первых же ветрах с озера забьет песком речное устье, и станет речка не речкой, а длинной цепью омутов и ям. Привольно и сытно живется рыбой молоди в их стоячей, прогретой солнцем воде. Корма сколько угодно, бури не тревожат омутов, и почти нет в них зубастых щук, окуней-разбойников.

Осенью многодневные дожди наливают речку до краев. Прибылая вода промывает из речки к озеру узкий ручеек, а потом и широкий проток. И выросшие, окрепшие за лето мальки уходят в озеро по этому ручейку. Там, в озере, они и проведут остальную жизнь, только по

веснам заходя в свою «колыбель», в речку, чтобы, по примеру предков, справить весенний праздник — нерест.

— Ишь идут-то как! — восторгался Африкан. — И ни одна рыбешка обратно не повернет. Знают, видно, что в нашей речке зимой вода худая, тухлая.

Он вылавливает одного малька и бросает его обратно в ручеек, головою навстречу течению. Но рыбка сейчас же поворачивается туда, куда плывут тысячи ее братьев и сестер, и сразу же теряется в непрерывном серебристом потоке.

— Ну, пойдем домой, — говорит Африкан. — Насмотрелись. А то моя старуха рыбы ждет, а я с тобой прогуливаюсь.

Я опять сажусь у окна с книгой. За окном, на берегу, рыбачьи амбары на сваях, и у одного из них Африкан в своей лодке. Он «патрует» сети, — вынимает из них рыбу и привычным жестом бросает ее в корзину. У лодки его жена — рослая, молчаливая старуха — ждет, когда старик закончит свое дело. Африкан никому не доверяет патровать свои сети.

Но вот происходит что-то странное. Африкан, посмотрев на озеро, бросает сети, вылезает из лодки и, подняв с земли какой-то прут, торопливо идет к устью речки. Старуха, махнув рукой, забирает корзину с рыбой и уходит домой.

Иду и я за Африканом. Он у протоки, по которой ушла рыба молодь. Но теперь протока перегорожена маленькой песчаной плотинкой. А перед Африканом стоят три паренька со смущенными лицами. Удрать они и не

пытаются, — Африкан знает, чьи эти ребята, да и прут — грозное оружие — у него в руке.

— Ай-ай-ай! Хороших родителей детки, а на какую пакость пошли! — бранит их Африкан. — Что, вам настоящей рыбы в озере мало? Или уж очень этой захотелось? То-то у вас и котелок припасен, и хлеб, и ложки. Молодцы-рыбаки... Вредители вы!

Ударом ноги Африкан разрушает песчаную плотину. Рыбешка, кружившаяся у песчаной преграды, вместе с потоком мутной воды уносится в озеро. Ручеек опять начинает напевать свою журчащую песенку, и вновь в нем сверкают рыбы мальки, бегущие к озеру.

— Рыбаки! — с презрением говорит Африкан. — Не хотят того понять, что сейчас они этого малька на свою уху не одну тысячу подденут. А пусти эту рыбу в озеро — лет через пять ею полк солдат накормить можно.

Африкан поднимает с земли котелок, ложку и горбушку хлеба в тряпице.

— Спички у кого? — грозно спрашивает он.

Ребята мнутя.

— Спички у кого, я спрашиваю?

Кто-то подает Африкану коробок. И коробок тотчас же летит в озеро.

— Свирепко, Свирепко! — кличет Африкан своего пса и отдает ему конфискованную горбушку хлеба.

— Пошли! — командует он ребятишкам.

Усевшись в свою лодку, Африкан спрашивает:

— Славка, твой отец сегодня с уловом?

— С уловом, — шепчет, чуть не плача, Славка.

— Тебя дома голодом не морят?

— Что ты, ядя Африкан. Я и завтракал, и обедал...

— А може тебе этого мало? На-ко, возьми от меня леща. Снеси отцу, чтобы он тебе еще ухи сварил, накормил бы тебя, голодного, особо.

— Дяденька, я больше не буду мальков ловить. Лещи у нас и свои есть...

— Не будешь? Ладно. А вы, ребята, голодные?

— Нет, дяденька. Мы тоже не будем!

— Ну, берите котелок, ложки. Брысь отсюда!

Африкан весело смотрит вслед убегающим ребятам и говорит:

— Маленькую рыбку побережешь — большую поймашь!

УХА НА ПАЛКЕ

— Охота не даром охотой называется. Заплати ты мне тысячу рублей, чтобы я за эти деньги день-деньской по лесу шатался — ввек не соглашусь. И добро бы путевая добычишка была, а то всего по пяти рябков достали. Проще было бы килограмм баранины купить — и ноги бы сберегли, и дождем бы нас не намочило.

Так ворчал Африкан, сердито шагая лесной тропой. За ним, молча, плелся и я. Устали мы оба, а тут еще с самого полудня зарядил мелкий-премелкий дождик ранней осени. И до дому не близко, и есть хочется, как волку в марте.

— Хлеб у тебя остался? — буркнул Африкан.

— Есть горбушка.

— Побереги. Сейчас мы горячей ухи похлебаем.

— Какой ухи? — удивился я. — Да тебе, никак, уже сны сниться начали, Африкан Ильич?

— Не спорь! Котелок у нас есть? Есть. Соль есть? Есть. Ложки из бересты сделаем. Не в первый раз!

— А рыба где?

— Рыба на палке. Караси. Не крупны, зато сладки. А коли не понимаешь — помолчи!

Пришлось молчать.

Скоро мы свернули с тропинки и зашлепали унылым моховым болотом, поросшим чахлыми сосенками.

— Бересты на растопку да на ложки прихвати! — командовал Африкан.

За соснами тускло блеснуло круглое лесное озеро.

— Ну, вот, прибыли! — довольно крикнул Африкан, ставя ружье к сосне и вытаскивая топор из-за пояса. — Разводи огонь, вешай котелок с водой, а я рыболовством займусь.

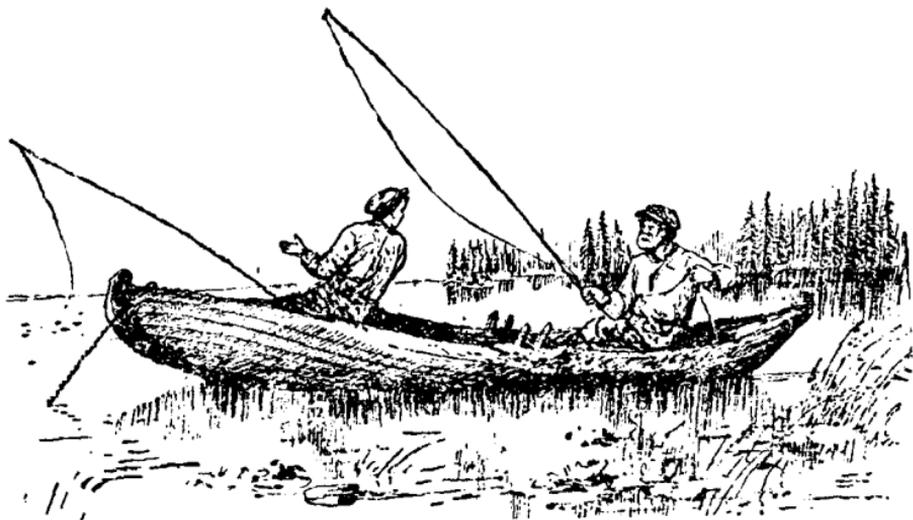
Вырубив длинную жердь, он воткнул ее наискось в озерное дно и начал крутить в одну сторону, затем, крихтя, поволок жердь обратно. На ее конце намотался тяжелый комок «озерного мха», который так густо покрывает дно некоторых лесных озер.

— Ну вот и рыба! — заявил Африкан, разбирая этот зеленый, крепко пахнувший водяной сыростью и болотом, комок. — Видал? Карась хитер, да ленив! Уткнется носом в донный мох и дремлет себе. А мох-то теперь у меня

на берегу. Разбирай его, разбирай! Ага! Вот еще один, вот еще! Ишь вы куда, лодыри, запрятались? От шуки спасались, да ко мне и попались. Не крупны, зато сладки! Надо еще раз-другой жердь «закинуть», уха гуще будет...

Через час, сытые и отдохнувшие, мы шли бором, и Африкан рассуждал:

— Охота — она и есть охота! Дай ты мне тысячу рублей и корову в придачу, чтобы я дома сидел — ни за какие блага не соглашусь. А лес на что охотнику дан? То-то же! Молчи и не спорь!

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

— Словно в кадушку удочки закинута — поплавки не качнутся, — ворчал Тимофей Дмитрич, сердито выколачивая свою трубочку о борт лодки. — И куда только вся рыба подевалась? Не иначе — перемена погоды будет, ишь как парит.

Действительно, даже на озере не смягчался июльский зной. Тишь — ни ветерка. Сладковатым, дурмящим запахом тянуло с прибрежных моховых болот; не нашим, не северным ароматом слабо дышали белые водяные лилии. Разве синяя стрекоза протрещит в воздухе,

да ястреб жалобно пропищит где-то высоко-высоко над лесами.

А рыба не клевала. С утра, на самом восходе, мы не успевали червей насаживать и снимать с крючков крупных окуней, но взошло солнце — и как топором отрубило. Сидим который час да табак жжем без устали.

— Давай-ка зной переждем, подремлем на берегу под кустиками, — предлагаю я старику. — На вечерней зорьке рыба загуляет, свое возьмем.

Тимофей Дмитрич колеблется. Оно хорошо в холодке, да надо якорь поднимать, удочки сматывать, то да сё. А вдруг от клёва уедем?.. И это «вдруг» заставляет его нерешительно молчать.

— Поедем на берег. Слышь?

— Ужо, гагары подождем.

— Какой гагары?

— Да посиди ты малость. Гагара заголосит, и мы домой...

Не понимаю, — при чем тут гагара и ее не весьма музыкальный крик? Однако перекидываю удочки на другой борт и снова берусь за кисет.

Мы дождались гагарьего крика. Он прозвенел высоко над нами. Две огромные черные птицы неслись над лесом, к югу.

— Ну, теперь всё понятно, — заговорил Тимофей Дмитрич, начиная сматывать удочки. — Скоро гроза будет, — да и завтра на весь день непогодушка...

— Это что же, тебе гагара подсказала?

— Она самая, гагара, да и елки к дождю лапки опустили.

Зной становился всё удушливее, нестерпимее. Обливаясь потом, подъехали мы к рыбацкой избушке. Как прохладно, уютно было в этой полутемной норе, пропахшей рыбой, можжевелевым дымом, которым старик выгонял по вечерам комаров.

Проснулись мы под вечер. Сизо-черная туча вспухала на небе, то и дело опоясываясь молниями, а затем над озером, над лесами катился величавый грохот.

Митрич уселся на пороге, наслаждаясь порывами ветра, любуясь тучей.

— Гагара не соврет, брат! У нее дела такие...

— Как же это ты по гагарьему полету о непогоде узнаешь?

— А просто. Куда гагары с нашего озера перед бурей летят? На Белое озеро. Его с нашим не сравнить. Сорок с лишним километров в длину да без мала столько же в ширину. Вот гагара туда и направляется. А перед хорошей погодой опять на лесные озера путь держит.

— Зачем же она туда летает, и обязательно перед бурей?

— Так, разное говорят. Я молодым у своего отца спрашивал про это. Ну, он мне вроде сказки рассказывал. Вишь дело какое в старые годы было. Гагара — птица вольная, дикая. Ее в клетку не посадишь, нет. С тоски помрет. Это тебе не скворец. Ну, в стародавние времена гагара на море жила, на всем приволье. Да одна беда — для гнезда места ей не сыскать было, где ни при-

строится — плеснет морской волной в бурю, гагару вон выкинет, а гнездо размечет. Вот и подалась гагара на лесные глухие озера. Здесь тихо, спокойно... Гагарье гнездо нескоро найдешь, а чуть детенышки из яиц — они уж и на воде. Ну, а всё же тоскует вольная птица по раздолью, тесно ей в лесу. Она непогоду заранее слышит, улетает либо на большие озера, вроде нашего Белого, либо на моря. Деток здесь оставит, верно, по-своему, скажет им: «Сидите тихо, меня ждите». А сама там на кипучих-то валах и празднует.

Неслышно ступая босыми ногами, подошел Василий Матвееч, колхозный пасечник. Он уселся на корточки у стены и, закрыв глаза, слушал Тимофееву сказку. А выслушав, забасил:

— Ой нет, дядя Тимофей. Неправда, по-моему, это. Да какая мать от своих детей гулять полетит, а их без призора бросит? Не бывает этого. За другим гагара летает на Белое озеро перед погодой.

— За чем — другим?

— За рыбой. Как расшумится озеро, пойдет валами, начнет рыбу на отмелях на полусмерть, а то и до смерти забивать... Столько чаек тогда налетит, ворон, ну и гагара тут же! Я сам видывал их не раз, только они подалее от берега держатся. Сама она наестся да и детям снесет. А погоду она чует, это верно.

— Может, и так, — нехотя согласился Тимофей. — Вон на ели погляди — в сухую погоду у них лапы кверху загибаются, а перед дождем книзу шатром виснут...

Всё вокруг вспыхнуло сине-белым огнем, грохнул

страшный удар, и не помню, как мы все трое оказались в избушке...

— Здорово! — покрутил головой Тимофей Дмитрич. — Ну и ахнуло!

Зашумел дождь, зароптал под порывами шального ветра лес, помутилось озеро под рокочущими струями грозового ливня. Совсем темно стало в нашей избушке. Старики дремали, и только огоньки их трубок иногда светились багровыми пятнышками. Гроза разгулялась вовсю...

...А на мутножелтых волнах Белого озера, радуясь грохоту грома, реву волн, качалась, грудью навстречу ветру, вольная птица гагара.

БЕЛИЧЬИЙ ХОД

Избушка Тимофея Дмитрича — у самой воды. Да чего там! Весной на прибылой воде не раз Тимофею приходилось свою лачугу веревкой к осине привязывать, а то унесет, — иди потом ищи свое пристанище.

В избушке дед всё лето проводит. Плохие ноги у деда: еще в первую мировую войну покалечился, тяжелую контузию получил.

Утром, чуть только на востоке небо посветлеет, Тимофей садится в свою душегубку и до вечера разъезжает по бесчисленным проливам и заливам Вашкозера.

Вечером к Тимофею внучонок Лёшка прибегает: молока, хлеба, табаку ему приносит, а домой несет Тимофееву добычу — черноспинных жирных окуней, карасей-лентяев, щук...

К моему удивлению, Тимофей оказался у избышки в неурочное время, в полдень. Сидел на пороге, покури-вал.

— Ты что, дед, не заболел ли?

— Нет, здоров. А так, дельце есть, Лёшку ожидаю с инструментом.

— Чем заняться хочешь? Лодку чинить?

— Новое дело! Лодка моя в порядке. Другой промысел. Да ты присядь, покури, а коли время есть — мне поможешь...

В полдень рыба клюет плохо, я не торопился. Задымили с Тимофеем в две трубки.

— Ага, одна гостья есть! Ишь хвост-то какой пушистый! Против солнышка словно искры в нем брызжут, — неожиданно показал мне Тимофей на старую березу у самой избышки.

— Какая гостья?

— Белка. Вон, вон на кривом суку! Ишь на воду поглядывает, милая. Что, воды не любишь? Сейчас и еще явятся, — уверенно заявил старик.

— Да откуда ты это знаешь?

— Нынче беличий год. Откуда только они берутся, не знаю. Бывают такие годы, когда на елках шишки не созревают. Сейчас и по деревенским заборам, и даже по крышам белки бегают. А вон и Лёшка идет.

Об этом можно было узнать и без Тимофеева предупреждения. Лёшка не умел ходить тихо — всегда какую-нибудь песню даже не пел, а выкрикивал ото всей полноты своего ребячьего сердца. Скоро из кустов показалась его физиономия, веснушчатая, сероглазая, перепачканная черникой...

— На, принес! Да вот и табак тебе, — заговорил он, вытряхивая перед дедом из корзины долото, пилу, узелки с хлебом, картошкой, табаком.

— Ну вот и ладно. Теперь и делом займемся. Садись-ка за весла, — обратился он ко мне.

Скоро мы выбрались к Пятницкому проливу, соединявшему озеро Струбиное с Курганным. Целая цепь озер, под общим названием Вашкозера, красуется в густом таежном лесу. Хорошо здесь! Привольно всякой птице и зверю. Вон туда лоси на водопой ходят, а там — гагар по зорьке увидеть можно целый выводок...

— Правь, правь вон к тем камушкам! — указывал мне Тимофей. Кряхтя вылез он на берег и начал командовать:

— А ну, люди добрые, помогайте! Вон у меня тонких елок десяток срублен, тащите-ка их к воде.

Затем Тимофей долотом пробил на концах этих бревен проушины и стал связывать их одно с другим. Получилась длинная цепь, вроде сплавного «кошеля».

— Да куда тебе, Митрич, такая механика? — не раз спрашивал я.

— Сделаю — расскажу. А верней всего сам увидишь.

— Лёшка, может ты мне расскажешь?

— Не. Дед не велит!

Дальше я совсем ничего не стал понимать. Мы прицепили один конец деревянной цепи к лодке и поехали на другой берег. Скоро оба берега пролива были соединены этой цепью.

— Ловушка, что ли, у тебя будет? — опять допытывался я у старика.

— Говорю — сам увидишь. Ну, теперь давай под те кустики. Жара спала, окунь гулять выйдет. Надо удочки разматывать.

Мы занялись любимым делом. Но, против моего ожидания, Лёшка сегодня вел себя благопристойно, не вертелся по-сорочьему в лодке.

Прошел час, другой. И вдруг Лёшка зашептал:

— Деда, деда, бежит, бежит!

— Тише, пушай бежит.

— Кто бежит?

— А вон на наш-то «кошель» глянь. Видишь?

По зыбкой деревянной цепи бежала, торопилась рыженькая белочка, хвост трубой. Скоро за ней промелькнула другая. Лёшка был в восторге.

— Это дедушка им переправу устроил. Понял? — шептал он мне, забыв об удочке...

— Вдвоем выдумывали, — улыбнулся Тимофей. — Ты вот послушай. Говорил я, что год-то нынче беличий. И вот добрались беличьи стаи до нашего озера, стоп — дальше ходу нет. Кругом-то в любую сторону не скоро обежишь, километров по пятнадцать обходу будет. А белкам-то, видимо, очень уж надо на эту сторону пере-

браться. Вот третьего дня сижу я на лодке по самой середине этого-то пролива, ужу... Вдруг, раз! По спине у меня кто-то пробежал, да на голову ко мне. Я, дело прошлое, малость дрогнул, испугался. А тут мне как раз к носу белчий хвост свесился. «А, думаю, понятно, какой ко мне пассажир явился!». Хвост-то мокрый. Видно, что плыла белка заливом, устала, в мою лодку на перепутье спастись залезла.

Ну, вот, сижу, не шевельнусь, как бы гостью не испугать, и она сидит тихонько, хвост сушит. Непорядок это, если белка хвост замочила. Она, когда плывет, хвост кверху столбиком держит. А эта как-то опростоволосилась — молодая либо глупая. А мне сидеть тихо уж и невыгодно становится — поплавки ныряют, видно, что окуни на крючках...

Что делать? Я не подставка для белки. За удочками потянулся. А моя гостья сердито так цокнула, с моей головы соскочила и на носу лодки пристроилась; сидит, свою шубу вылизывает.

Ладно! Окуней я вытащил, опять уды закинул. Гостья сидит, на меня никакого внимания. И что ты скажешь? Вторая в лодку карабкается. У этой хвостик сухой.. Мимо меня по борту пробежала и тоже на носу рядом с первой устроилась. Я сижу...

— Деда, деда, еще две бегут!

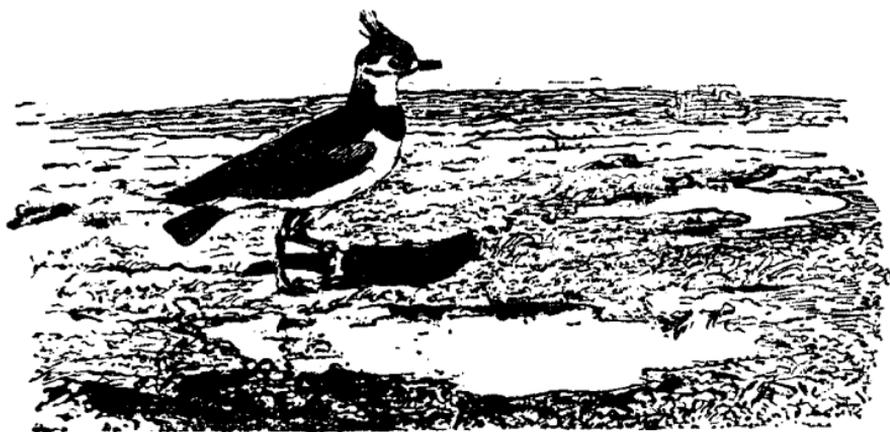
— Для них и сделано. Пускай нас благодарят. Да, тут я удочки смотал, пассажирок своих на тот берег доставил. Обе на сосну забрались, мне что-то по-своему цокнули...

— Спасибо тебе говорили, — заметил Лёшка.

— Всё может быть. Вот и решили мы с Лёшкой белкам переправу устроить, жалко всё-таки зверят. Видно, в тех лесах, откуда они нынче бегут, урожая на шишки нет, так они на хорошие места перебираются. Вот и надо было им помочь.

— Деда, еще одна перебежала!

— И пускай. А мы давай-ка на Ключевой омут поедем, под вечер там окуни хорошо клюют.

П И Я

Лёнька мне сообщает:

— Пии прилетели. Много!

— Значит, весна в полном разгаре! — радуюсь я вместе с Лёнькой. Мы выходим на крылечко послушать чибисов — у нас их пиями называют. И вправду, это словечко похоже на крик чибиса.

Слушаю чибисов, смотрю на пашню, залитую вдоль борозд талой водой. Лёнька рядом со мной на перилке крыльца верхом вертится, тоже пий слушает. Лёнька и сам на чибиса похож — нос востренький, ноги длинные, на затылке рыжий хохолок торчит. Только у чибисов веснушек нет.

На другой день Лёнька опять мне новость приносит:
— У одной пии на лапке золотое колечко. Как перекувырнется пия в воздухе, так колечко и сверкнет, так и сверкнет!

— Лёнька, да ведь эта птица окольцована! Интересно бы ее добыть!

— Как это — окольцована?

Объясняю ему, что ученые люди в разных местах земного шара ловят перелетных птиц и надевают им на лапки колечки из меди или алюминия. А на колечке написано, в каком месте птица была поймана или из гнезда взята. Прилетит такая, окольцованная, птица на место своей зимовки, — попадет в руки охотнику, или наоборот — на зимовке ее окольцуют, — она на родину вернется и тоже кому-нибудь достанется. Подивится охотник на колечко, начнет спрашивать знающих людей, что это колечко значит и что с ним делать надо. Ему и посоветуют это колечко в музей отдать. А музей знает, куда колечко вернуть надо. Вернется колечко к тому, кто птицу окольцевал... Понятно? Вот таким способом и узнают, где птицы зимуют, какими путями они туда летят.

Тут подошли мои друзья, охотники. Послушали и говорят:

— Мы эту пию добудем...

Лёнька просит:

— Дяденьки, не стреляйте в эту пию с колечком. Она скоро гнездо заведет, а я ее и так поймаю. Посмотрим мы колечко, и опять пию на волю пустим!

— Как же ты ее поймал?

— Да уж как-нибудь догадаюсь.

И ведь поймал-таки! Не знаю, какие он ловушки для этого выдумал, а принес ко мне живую пию с хохолком на затылке и медным колечком на лапке.

Собрались у моего крылечка охотники и ребятишки со всего села. Все на колечко полюбовались, потрогали его. Медное.

На колечке надпись латинскими буквами «Будапешт» и номер. Большой, тысячный!

— Ишь ты, откуда к нам прилетела, — удивлялись все. — Из Венгрии! Зимовала там на Дунае. Значит, там тепло. А далеко ли от нас до Будапешта?

На карте лучинкой по масштабу меряли. Две тысячи километров.

— Был я в Венгрии, — сказал нам Иван Семенович. — Освобождал ее от фашистов, и в Будапеште был. Крепкие там бои были. Теперь венгерцы народ свободный, по нашему образцу свою жизнь строят.

— Хорошо сделали, что своим буржуйам по шапке дали, — говорят другие. — Очень это хорошо! А какая там природа, в Венгрии?

Оказалось, что не один Иван Семенович, когда в Советской Армии служил, в Венгрии побывал. И другие, бывшие солдаты, стали нам рассказывать о венграх, о голубом Дунае.

— А вот что удивно, — сказал Павел Павлыч. — Места по Дунаю хорошие, климат теплый, даже виноград

растет. Почему же тогда пия всё-таки к нам, на Белое озеро, прилетела, на север? Жила бы себе в тепле!

— Родина! — ответил Иван Степанович строго. И мы все его поняли.

Общим советом решили: у пии с лапки колечко осторожно снять и послать его в музей. А пие новое колечко надеть, алюминиевое. И написать на нем название нашего села, озера и привет рабочим и крестьянам Венгрии.

Так и сделали. Колечко маленькое, но Иван Семенович — он самый лучший слесарь в нашей МТС — ухитрился на нем написать:

«Привет свободным венграм!»

Выпустили мы пию на волю. Взмахнула она крыльями и высоко в небо поднялась, полетела к своему гнезду.

И в этот момент солнышко из-за тучи выглянуло, заголубело наше озеро, жаворонки наперебой зазвенели. Трактор в поле застучал — пахота началась.

— Ну, как нам такую сторону не любить? — сказал кто-то.

Все только головами качнули, согласились без слов.

НЕ ТРОШЬ МАЛЕНЬКИХ!

Чуть только зорька занялась, пошел Яков Васильевич на озеро с удочками. Прошел рыбак лугом, прошел кустарником, и вот он — еловый лес, а за елями озеро сверкает, румянится, серебрится.

У коряги — плотик колышком приткнут. Хорошо с плота удить, спокойно.

Тихо. Комары и те угомонились, — намочила густая роса крылышки пискунам-разбойникам. Только коростель в ивовом кусту свое «дэрг, дэрг» выговаривает, да и то лениво. Надоело ему всю ночь скрипеть.

«Подкрадусь к коростелю, — спугну его, — думает

рыбак. — Очень смешно бывает смотреть на летящего коростеля. Рыжий, лохматый, и ножки книзу висят».

Осторожно подкрался к кусту Яков Васильевич и — шлёп удилищем по росистым листьям. А из куста не коростель, а медвежонок выскакивает. Ошибся Яков Васильевич — не по тому кусту ударил.

Фыркнул медвежонок — и бежать. Да это ничего, а только он не один оказался — мамаша его совсем рядом муравейник под елкой расковыривала.

Рявкнула и на рыбака!

В три прыжка оказался Яков Васильевич на своем плотике. Успел от берега оттолкнуться.

Медведица зубы скалит, в воду бредет, хочет до обидчика добраться. А рыбак отгребается, отгребается.

«Ну, — думает, — достигнет меня сейчас медведица, опрокинет с плотом. Пропал!»

Нет, не поплыла медведица. Ее дитяtko на берегу пищать начало. Медведица к нему — успокаивать.

А рыбак гребет, а рыбак гребет! Только на середине озера и остановился, пот со лба утер.

Успокоился, посмеялся над своим приключением и решил поудить у Смоляного омута.

Подплыл туда, а медведица уже там, из кустов выглядывает, своего обидчика ожидает. Что ты будешь делать?

К другому берегу рыбак начал грести. А медведица опять там. Озеро-то небольшое — куда спрячешься?

Пришлось на самой середине на рыбалку устраиваться. А ведь рыба у берегов держится. Там бы и удить, да вот — медведица.

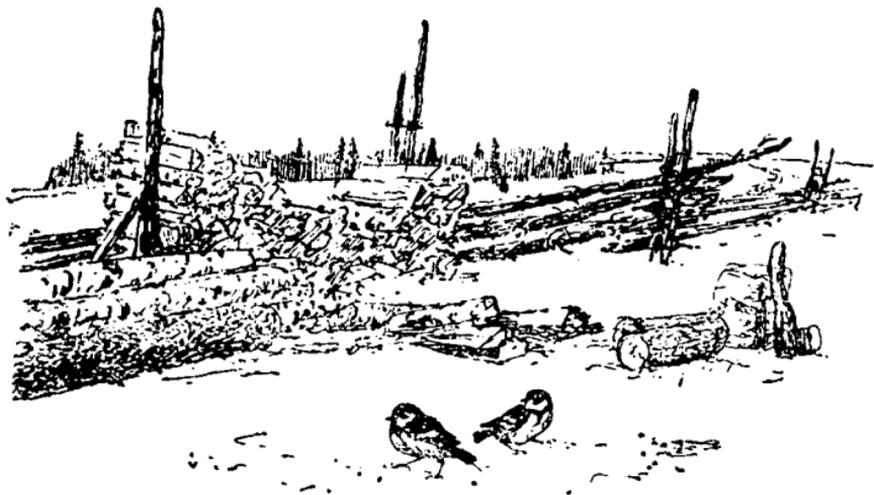
Скучно сидеть Якову Васильевичу. Поплавки редко-редко когда качнутся. Разве это уженье? И табак подмочен — кисет-то в воду был уронен, когда Яков Васильевич на плотик вскакивал. Хорошо, что между бревен попал, — совсем не пропал.

Еще раз попытался Яков Васильевич к берегу подплыть. Ничего не вышло — зорко медведица за рыбаком следила.

«Неужели она меня тут до вечера продержит?» — подумал Яков Васильевич.

Спасибо косарям. Шли колхозники на покос, с песнями шли, с гармошкой мимо озера. Насторожилась медведица, послушала, фыркнула — и в лес.

Так и вернулся рыбак домой без рыбы. Зорька-то, рыбацкая, отошла!

НАШИ ГОСТИ

— Бабушка, где Иван Петрович?

— На дворе, дрова колет.

На дворе груды уже расколотых березовых дров. Иван Петрович сидит на чурбаке, курит, отдыхает. Завидев меня, предостерегающе машет рукой, показывает на другой чурбан.

— Садись, — шепчет он. — Посиди минутку-другую. Я гостей из леса жду. Сейчас прилетят.

— Каких гостей?

— Синичек. Если я дрова колоть начал, должны они

прилететь. Они сейчас по всей деревне проверяют — кто дрова колет. Две синички, такие смешные, пухленькие, серые, грудки желтые, шапочки черные. У меня, видишь ли, кроме березы и сушняку, еловых дров много. Как начнешь колоть, оттуда червячки вываливаются. Ну вот, синички их и подбирают. Холодно сейчас в лесу, голодно. Птички к человеку и жмутся. Я им крупки, зернышек, семян подсыпаю, — пусть кормятся.

— Едят ли они крупку да зернышки?

— Кой-что поклевывают. Им только мясное больше нравится — червячки. Так я еще до их прилета червячков наберу и вон на ту досочку насыплю.

Он выколотил трубку и продолжал:

— Дятел тоже сюда прилетает. Ну, этот — крикун, сердитый плотник. Утром выйдешь, а он на поленнице ревизию производит. Увидит меня — закричит: не то здороваешься, не то ругает меня, чтобы я не мешал ему. Ну, пойдем в избу о твоих делах разговаривать.

Поднимаясь на крыльцо, старик толкнул меня локтем:

— Гляди, гляди — прилетели. Вон, вон там прыгают! Зимой и синичке радуешься — так весенний лес и припомнится.

Недели через две я спросил старика:

— Ну, как синички, — прилетают?

— Кончили. Да им теперь моя поленница ни к чему. Вон как солнце силу забирать начало, с крыш капель весь день. Синичкам и в лесу теперь ладно!

ПОСПЕЛА ЛИ МАЛИНА?

Лесник Антон обходом по своему участку шел. Вздумалось ему завернуть на Горелый остров, посмотреть, не поспела ли малина. Ребятишки-внучата давно тормозят, спрашивают, когда дедушка их в малинник сведет. Пора бы поспеть сладкой ягоде — рожь зреет, а она в одно время с малиной доходит.

Стал Антон подходить к малиннику, слышит — ворочается там кто-то.

«Кому бы это быть?» — думает Антон.

И вдруг затрещало, зашумело — и выскакивает из малинника медвежонок...

— Ах, чтоб тебя! Напугал-то как!

А медвежонок — вприскок через кочки, пни, валежник, вперевалку шариком от человека. Тоже напугался. Добежал до большой березы, полез на нее. Устроился там поудобнее на суку, облапил его, сидит, вниз на Антона глазёнками-изюминками поглядывает.

Антону и смешно и досадно. Изловить бы звереныша! А на дерево лезть — жутковато. Вдруг медведица где-нибудь рядом бродит? Тогда добра не жди. И что всего обидней — ружья с собой не взял; куда его, думалось, — время не охотничье.

Постоял Антон, подумал. А потом пиджак снял, на куст его развесил и рукава в сторону развел, как у пугала огородного. Повыше на сучок шапку свою пристроил. И домой заторопился.

Дома соседу в окно постучал:

— Бери-ка, Никита, свое ружье да пули. Пойдем со мной.

— Куда? Зачем?

— Насчет медведя смекаю. На Горелом острове. Да быстрее справляйся!

Собрались в один момент. Антон с собой корзинку взял и мешок.

Пришли на Горелый остров. Никита спрашивает:

— Где же медведь?

— А вон, на березе сидит, меня ожидает. Ишь как глазами-то водит.

— Да ведь медвежонок это? Значит, и медведица где-то рядом. Даст она нам ходу, Антон.

— Не бойся! Это сирота. Матери у него нет. Кабы она была, так давно бы мой пиджак растрепала и детеныша увела. А тут сидит медвежонок на березке, моего одеянья боится, думает — человек стоит. Полезай-ка на березу.

Ну, разговор короткий — скоро медвежонок в мешок попал.

Антон соседу говорит:

— Ты посиди, покури часок, а я внучатам малинки наберу. Обещано.

— Да ведь неспелая еще малина. Рано.

— Нет уж, спелая. Медвежонок не зря в малиннике был. Он тоже понимает — сладкое любит, не станет неспелую ягоду есть.

...А рассказал нам эту историю сам Антон-лесник. Он в город приехал и в зоологический сад зашел, медвежонок проведать. Тот уж в большого медведя вырос и Антона не признавал.

— Это он людей стесняется, — говорил Антон. — А так признал бы. Медведи, они умные!

— Как же он не разобрался, что под березой не человек стоял, а пиджак висел?

— Ну, тогда он маленький был, глупый!

ПТИЧКА-НЕСПОКОЙКА

Вчера Африкан убил медведя-овсяника. Развесив его шкуру на стене своей избы для просушки, Африкан всем соседям по куску медвежатины принес. Достался хороший кус и мне.

Стал Африкан о вчерашнем своем сиденье на лабазе рассказывать и упомянул о птичке-неспокойке. Она, мол, вечером запела, затревожилась, дала всему лесу весть, что идет медведь.

— Что-то не приходилось мне о такой птичке слышать, — говорю я Африкану.

— Это потому, что не приходилось тебе медведей на овсах бывать.

— Что же это за птичка? Какая она собой?

— Серенькая, небольшая. Она медведя очень не любит, с давних пор. Видишь ли, медведи и простоваты и вороваты... А дело так было. Шел медведь по лесу, питался: где корешок выкопает, где ягод пососет, где муравейник разворотит... К кустарнику подошел, а за кустарником — малина, медвежья улада. Медведь напрямиком через кусты ломит. Тут птичка эта самая появляется, вьется, чирикает:

— Медведь, медведь, не ходи ты через кусты, не сомни мое гнездышко, в нем мои птенчики малые...

— Велика важность твои птенчики, мне малина нужна.

— Ой, медведь, обойди кусты!

— Отстань! — и лапой на нее замахнулся. Наступил на гнездышко, — всё в землю вмял.

Села птичка на веточку, заплакала.

— Ну, медведь, я тебе этого не забуду!

С той поры, ежели медведь лесом бредет, за ним обязательно эта птичка увязывается, летит, чирикает.

Медведь злится, кряхтит, торопится от птички уйти. Да не уйдешь: одна устанет — другой свою службу передаст. Весь лесной мир о том узнает, что медведь идет.

Вот и осенью — сидишь на лабазе, тишина вечерняя... И вдруг слышишь — беспокойка закричала. Значит, всё в порядке: поднимай курок, сейчас на овес Мишка выкатится. Только сам не промахнись!

ЗВЕРИНЫЙ САД

Сначала по нашим местам ничего не росло, кроме травы. Да нашел заяц на горке какую-то сумочку, а в ней разные семена.

Собрались на эту горку звери да птицы, толкуют, что это за семена, да что с ними сделать. Тут прилетает Ворон, мудрая птица.

— Я, — говорит, — знаю, что это за семена. По другим землям, за морем, из таких семян леса растут. Много выше травы, а как хорошо в них — и укрыться можно, и зимой не холодно...

Начали звери из сумочки семена разбирать. Ворон

на камне сидит. Учит зверей да птиц, как семена растить надо.

Каждый себе семечко по нраву взял: лось — осину, рябчик с дроздом из-за рябины чуть не подрались, соловей иву-райду, — было бы где ему петь, белка елкой заинтересовалась. Каждому свое нашлось.

И волк себе какое-то семечко взял. Да ленив он оказался. Все-то свои семечки растят, холят, водой поливают, от мороза и солнца до поры сберегают. А волк прибежит иной раз, спрашивает:

— Мое-то растет?

— Растет, да плохо.

— Ну, я ему помогу!

И начнет росток кверху своими зубищами потягивать, чтобы скорее он рос.

Вот и поднялся звериный сад, а по-нашему — лес. Все-то ему рады: кто поет, кто свищет, а белка семечки грызет.

Вот и волк прибежал:

— А где мое дерево?

Видит — вытянулся из земли прутик какой-то, серый, некрасивый. Обозлился волк. Решил этот прутик из земли совсем выдернуть. Да как ни бился — ничего не смог поделывать: не рвется прутик, не ломается. Волк зубы свои до крови расшатал, а толку не вышло.

Говорит волк:

— Ну, и не надо мне никакого дерева! Я в полях проживу...

С тем и ушел.

Вот почему волк большого леса не любит, всё около полей в кустах проживает.

А это деревцо — волчье — известное. Да и не деревцо это — кустик. Его ни обломать, ни оборвать. И цветет оно раньше всех весной, красными такими цветочками, — это волчья кровь. И ягодки кучкой растут, тоже красные. А листики на кустике этом после цветов появляются. Худое это растение, ядовитое. Его волчьим лыком зовут...

ЗАЯЦ-ОХОТНИК

Кто только за зайцем не охотится! И человек, и собака, и лисицы, и ястребы, и волк на него зуб имеет. Да что там! Ворона, и та молодых зайчат ловит. Беда зайцу! Куда денешься? Вот и спит он, глаза не закрывая, чтобы не прозевать врага. И уши у него длинные, чтобы лучше слышать... И бегать он мастер!

Один заяц очень о судьбе своего заячьего народа разгоревался. И додумался:

«Оттого все на нас охотятся, что очень мы смиренные звери, сами всех боимся — силы у нас мало. А почему? Да потому, что мы только одну траву едим да

осиновой корой пробавляемся. Нет, надо либо на мясное, либо на рыбное нажимать. Вот тогда я с медведя вырасту, и все меня бояться будут. Пойду сегодня на охоту!»

Ружья у зайца нет. Подобрал он дубинку покрепче и заковылял по лесу, добычу искать. Долго ходил, долго высматривал и вот заметил на осине глухаря.

— Вот дичь, так дичь! Мне на неделю хватит. А как же я его добуду?

Попробовал камнем в глухаря бросить — не долетел камень и до половины дерева. Попробовал дубиной в птицу ткнуть — коротка. Совсем расстроился заяц. Сел на кочку, задумался:

«Видно, без хитрости не обойтись. Ну, да мы, зайцы, догадливые. Посижу, что-нибудь придумаю».

Придумал. Давай по лесу сухие палки, прутья, валяжники собирать, под осиной складывать. Растет у зайца куча всё выше и выше.

«Вот, — думает заяц, — построю я кучу до самого глухаря, заберусь на нее и цоп дичину за лапы!»

Носил-носил, таскал-таскал. Большая куча стала. Ну еще бы маленько — и бери глухаря.

Принес заяц еще две палки, полез наверх. А глухарю сидеть надоело, он возьми, да и улети.

Почесал заяц за ухом, сплюнул и говорит:

— Чего уж там! Не больно мне мясного и хотелось!

РЕЧКА ИГРУНЬЯ

Ты этой речки, парень, не знаешь. Ужо осенью мы с тобой на ней обязательно побываем. Охота там подходящая: птица-зверь непуганные. А ягод-то, ягод сколько! Смородиннику, малиннику — хоть ведрами собирай с них сладкое-то. Далеконько, слов нет, до этой речки, ну да я к походам привычный, а тебе привыкать пора.

Эту речку недаром Игруньей называют. Вода в ней светлая, чистая, рыбу в омутах видно. Шумит речка по камушкам, поет, переливается. Веселая речка. И вот —

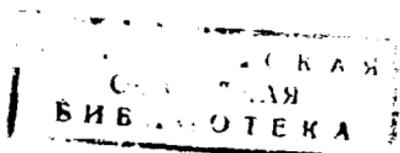
идешь, идешь берегом речки, и вдруг — нет ее! Нырнула под землю. Удивно!

Она под землей, что в каменной трубе идет. А ты всё на полдень держи, всё на полдень. Этак с полчаса прошагаешь — и вот опять речка из-под земли выбежала, начала с камня на камень прыгать, в омутах кругами ходить. Скучно ей, речке, в темноте под землей станет, значит, она опять под синее небо и покажется.

Так она не один раз с лесом в прятки сыграет, пока в речку Ладингу не впадет. А Ладинга — речка степенная, без баловства, течет себе потихоньку болотами да лугами.

Про Игрунью раньше так рассказывали. К ней звери разные иной раз сбегались играть, веселиться. А у зверей любимая игра — прятки. Им это надо. И от врага схорониться иной раз требуется, и ежели к добыче подобраться — тоже надо умеючи. Вот и зачнут медвежата, лисенята или белки друг от дружки прятаться, играть. И речке поиграть охота. А куда спрячешься? Она и надумала — под землю нырять. Зверюшкам это забавно — куда речка убежала? Ищут ее, ищут... И вдруг она из-под земли сама выбегает. Обрадуются звери, а речка опять под землю...

Забавная эта речка. И рыба в ней есть особенная — хариус Большой хвост. Научу тебя, как эту рыбу удить. Ты только расти поскорее, тогда мы с тобой на всех речках и на всех озерах побываем...

СОДЕРЖАНИЕ

Расстанная береза	3
Маремьяна-полесница	10
Кисельный берег	16
Рыбаки	22
Гусевод	30
Беспокойный ночлег	38
Клад	47
Широкая дорога	53
Лесной хозяин	60
„Уважительное дело“	66
На дальний зов	73
Муравейное сало	82
Маленькую рыбку побережешь — большую поймашь .	87
Уха на палке	93
Перед грозой	96
Беличий ход	101
Пня	107
Не тронь маленьких!	111
Наши гости	114
Поспела ли малина?	116
Птичка-неспокойка	119
Звериный сад	121
Заяц-охотник	124
Речка Игрунья	126
